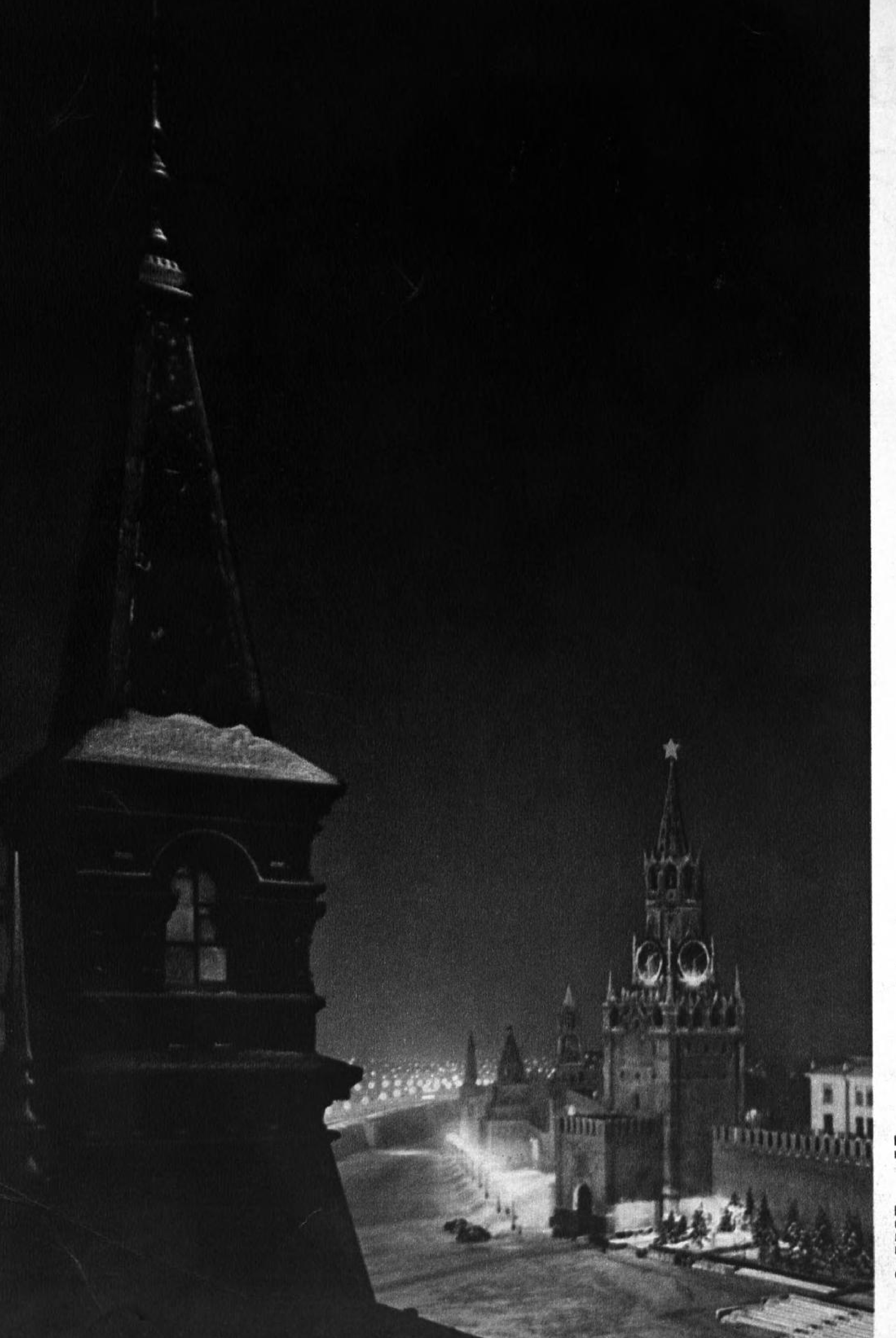

С новым годом, товарищи!
ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА.
КРАСНАЯ
ПЛОЩАДЬ.

Фото
А. Гаранина.

На первой странице обложки: Фотокомпозиция Я. Рюмкина

На последней странице обложки: Студенты на прогулке в Подмосковье.
Фото Я. Берлинера.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 1 (1386) 1 ЯНВАРЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Первый тост

Николай СИДОРЕНКО

С молодою радостью во взгляде
Новый год вступает на порог
В голубом летучем снегопаде,
С вольным ветром далей и дорог.

Встретим же его хорошей песней
За широким праздничным столом!
Он бокал поднимет с нами вместе,
Дружески расспросит о былом.

И о нашем радостном грядущем
Вдохновенно он заговорит:
«Вам, свободным, в коммунизм идущим
Совершить немало предстоит».

А когда о замыслах расскажет,
Позовет к широкому окну,
На простор заснеженный покажет:
«Обойти я должен всю страну!»

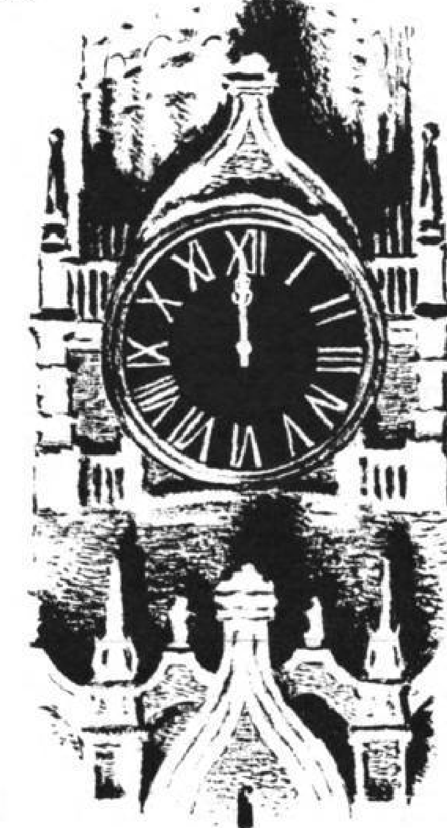
Вот земля, святая с колыбели,
И березка во поле — своя.
Матери о ней нам в детстве пели...
Отчие чудесные края!

Мир ее дубравам, рекам, нивам,
Новостройкам в тысячах огней!
Быть на свете не могу счастливым
Без нее, а только вместе с ней!

Новый год, он людям доброй воли
Принесет во всех делах успех.
Золотое всколосится поле,
Не замолкнет звонкий детский смех.

Так полнее чашу круговую!
За Отечество наш первый тост!
За народ! За Партию родную!
За спокойный свет кремлевских звезд!

Мы глядим и гордо и бесстрашно, —
Ясен путь, зовущий нас вперед.
...Мерно бьют куранты Спасской башни.
Ровно полночь. Здравствуй, Новый год!

Новый год

Константин ВАНШЕНКИН

Предновогодняя уборка,
И вечер с множеством затей,
И обязательная елка
В домах, где даже нет детей.

И я сочувствую сегодня
Друзьям, обиженным судьбой,—
Всем тем, кто в вечер новогодний
Не видит елки пред собой.

Наверно, им в ночную смену
Или в секреты заступать,
Где снег сыпучий до колена
И под луной белеет падь.

А может быть, они в вагоне
И не окончен их маршрут!
А может, просто в их районе
Пока что елки не растут!..

...Вокруг свечи сияет венчик.
И тишина. И сладко всем.
А старый год все меньше, меньше...
И вот уж нет его совсем.

И мы волненье ощущаем,
У года стоя на краю,
Хотя который раз встречаем
Мы Новый год за жизнь свою.

Сухим снежком, морозцем вея,
Он к нам на празднество идет.
Он с каждым годом все новее,
Наш добрый гость, наш Новый год.

Мы подведем итоги года,
И нам опять вперед идти.
Приятно знать, что есть работа,
С которой сердцу по пути,

Что в городах больших и малых
Пируют граждане страны,
Что звон часов и звон бокалов
Совпасть по времени должны...

Праздничные огни

Сергей СМИРНОВ

Выйди, полюбуйся:
не сегодня ли
Вся Москва — сплошной разлив огней!!
Башни,
словно елки новогодние,
Празднично красуются над ней.

Небеса снежинками бросаются.
И за рамой каждого окна
Елка,
островерхая красавица,
Как звезда веселья, зажжена.

Встретим полночь полными бокалами.
Выпьем, как хозяева стола,
За свои
великие и малые,
Добрым людям нужные дела!
За друзей-товарищей,
с которыми
Шире стал привычный круг родни...

И бегут на все четыре стороны
И горят
огни,
огни,
огни!

ПРЕДВИДЕНИЕ И ГАДАНИЕ

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Во все века люди пытались заглянуть в будущее — старые люди и молодые, богатые и бедные, ученые и неграмотные. Гадание по звездам было наукой древности. Гадали и по полету птиц, по внутренностям животных. Капитализм сделал гадание шарлатанской профессией: жулики открывают простакам их будущее по картам и по кофейной гуще.

Астрология давно уступила место астрономии. В музей сданы на хранение колпаки, украшенные звездами, и халаты с мудреными иероглифами. Однако гадатели и гадалки не перевелись в капиталистических странах. Под Новый год в любой редакции буржуазной газеты проворные люди в прозаических пиджаках занимаются предсказаниями.

Те, кто видит в историческом процессе произвол случая или веление мистических сил, занимаются гаданием. По общему правилу, они пессимисты: их пугает мрак. Они ощупью вступают в новый год. Шарлатаны с невероятной «точностью» предсказывают события, о которых ничего не могут знать. Но они знают, что за провалившиеся пророчества никто не отвечает. Это в древние времена неудачливый гадатель расплачивался своей головой. Профессия была опасной, поэтому гадатели предпочитали выражаться двусмысленно. Ныне «ясновидцы» — газетные и всякие иные — ничем не рискуют. Поэтому новогоднее вранье в буржуазной печати не знает пределов. В нем ни в малейшей мере не отражается неведомое будущее. Но в нем отражено настоящее: оно полно тревоги.

Иное дело у тех, кто в историческом процессе видит объективную закономерность.

Общественная наука, марксизм-ленинизм, убивает гадание, как астрономия убила астрологию. Марксисты не берутся предсказывать отдельные события или факты — они открывают тенденции развития. Вооруженные знанием, люди уверенно вступают в будущее. Оно не покрыто мраком. Оно освещено научным анализом. Новый год идет по пути, проложенному старым.

Гадания буржуазных жрецов провалились. Марксистское предвидение оправдалось. Убедительный пример — события в Корее. В новогоднем выступлении 1953 года Ли Сын Ман предсказал сокрушительное наступление американских войск на Ялуцзян и скорое завершение войны решительной победой США. Ли Сын Ман был болтлив, как нью-йоркская гадалка, но не был оригинален. С ним заодно была значительная часть американской печати. Командующий американскими вооруженными силами в Корее (под псевдонимом войск ООН) обещал именно скорую и решительную победу. На этом основании правительство США срывало всякие переговоры о перемирии.

В лагере социализма и демократии не гадали, а изучали. Марксистский научный анализ указывал на ясные тенденции развития. Силы защитников свободы и независимости Кореи росли и крепли, силы агрессоров становились все более слабыми. Для китайского народа, для героической Кореи война с агрессорами была святым делом жизни. Для американских агрессоров война была источником грязнейшей наживы. Агрессоры не могли добиться победы в 1950, 1951 и 1952 годах. Оправдалась наша уверенность в том, что они не победят и в 1953 году; что, напротив, они вынуждены будут пойти на переговоры, которых требует все передовое человечество; что победит политика мира, которую проводит лагерь демократии и социализма, возглавляемый Советским Союзом, а не политика силы и грубого диктата, проводимая англо-американским блоком.

Гадания агрессоров провалились. Предвидение марксизма-ленинизма подтвердилось. В мире наметилась некоторая разрядка международного напряжения. История насильственно усадила надменных, спесивых американских генералов и дипломатов за тот стол, за который они не хотели сесть по доброй воле.

Мы наблюдали усиление тенденции к установлению мира в международных отношениях, и мы не видим оснований к тому, чтобы эта тенденция прекратилась в будущем. Силы политики мира растут и будут расти.

Глубочайшим источником этих сил мира является могучее развитие социалистического хозяйства в Советском Союзе и во всех странах народной демократии. Мы слышали в прошлом году надоедливое карканье буржуазных ворон в буржуазной печати. Они пророчили неудачи лагерю социализма и демократии. Они на этом строили свои политические расчеты. Для этого конгресс США ассигновал сотни миллионов долларов, предполагая диверсиями, саботажем задержать, нарушить подъем экономики и культуры в молодых демократических странах, внести смуту во внутренние отношения, выбить самых стойких защитников нового строя. Однако ворона никогда не слыла умной птицей. Историческая сила оказалась на стороне жизненных, непреодолимых тенденций развития социалистического строя. Советский народ ощутил в себе новую мощь. Первоначальные цифры пятилетнего плана строительства и производства были грандиозны. Когда они были оглашены три года назад, они казались невероятными подслеповатым буржуазным экономистам. Таких темпов развития не знало человечество. Но даже и такие темпы были признаны недостаточными. Советский народ не мог удовлетвориться ими. Коммунистическая партия звала подняться еще выше. В 1953 году можно было поставить перед советскими людьми новые, еще более грандиозные задачи.

В сентябре 1953 года Пленум Центрального Комитета КПСС дал советскому народу величайшую зарядку энергии, мысли и воли новыми планами, новыми заданиями. За деловыми, строго рассчитанными цифрами расширения производства легкой и пищевой промышленности, скорейшего подъема сельского хозяйства, в особенности животноводства, подымаются глубоко волнующие проблемы, связанные с приближением нашего народа к коммунизму.

Человек в новых исторических условиях — новый человек, это человек свободного, созидательного труда. Любовью к человеку пронизана вся программа нового, великого подъема. Это — подлинное существо формулы борьбы за качество. Поэтому борьба за отличное качество не ограничивается борьбой за прочность и красоту ткани, обуви, мебели. Жизнь должна быть более красивой, чтобы красивее был человек, строитель будущего, чтобы он был богаче духовным своим содержанием.

К труду и к борьбе призвала партия советских людей, потому что невозможна победа труда без страстной борьбы со всем тем, что мешает скорейшему движению нашего общества к коммунизму. В 1953 году посеяны семена этой борьбы — семена, проверенные наукой марксизма-ленинизма, взращенные долголетним опытом великой партии, и уже в 1954 году мы должны увидеть и увидим первые богатые всходы. Народ наш с огромным воодушевлением принял указание сентябрьского Пленума. Советские люди показали миру монолитную сплоченность вокруг своей партии и готовность приложить все усилия для осуществления программы исторических работ.

И никаким изменникам не удастся подорвать мощь советского строя. Великая Коммунистическая партия Советского Союза кровно и неразрывно связана с народом, с массами трудящихся и твердо ведет страну по славному пути коммунистического строительства.

Нам предстоит интересный, богатый год. Новаторов выдвинет народ из своей среды, обнаруживая неиссякаемые источники творчества.

Мы ожидаем новых произведений искусства и литературы в 1954 году. Мы знаем, что и они будут служить делу мира, культуры, сближения народов между собой.

Прошлый год был свидетелем того, как это сближение делает шаги вперед, побеждая сопротивление поджигателей войны. Мы уж не говорим о все более крепнущих связях между странами лагеря демократии и социализма. Ряд договоров о взаимной торговле, об экономической взаимопомощи скрепил эти связи, показавшие человечеству законы нового мирового рынка. Но и на старом, капиталистическом рынке, перегороженном барьерами во всех направлениях, народы делали попытки

наладить сорванные злой волей капиталистических монополий связи между странами капиталистического и странами социалистического лагеря. Потоки товаров шли из СССР за советские рубежи в самые далекие углы земного шара, и мы предвидим расширение этих потоков в 1954 году. Такова историческая тенденция развития экономических отношений, подтверждающая доказанную советской научной мыслью возможность длительного и мирного сосуществования двух противоположных экономических систем.

Могучее экономическое развитие Советского Союза является залогом возможности торжества мира во всем мире. И это попрежнему делает нашу страну центром притяжения для всего трудящегося человечества. В этом одна из важнейших причин все большего расширения круга сторонников мира — не только в численном выражении, но и в смысле охвата все более широких политических кругов.

Изумительные результаты мирной политики Коммунистической партии и Советского правительства являются в то же время предпосылкой дальнейшего, еще более сильного развития этой политики. Победа социалистического строя тем более внушительна, что одержана она на фоне явственных кризисных явлений во всем капиталистическом мире. В предстоящие два — три года Советская страна развернет такую картину роста производства, роста народного благосостояния, роста социалистической культуры, которая сама по себе будет всемирным торжеством политики мира. Это характерно для всего лагеря мира и демократии. Буржуазная печать, которая пыталась по заигранным пластинкам клеветы верещать о «слабости» Советского Союза и стран народной демократии, ныне завопила о новой «угрозе» — угрозе мирного торжества коммунизма.

Поразительны успехи нового Китая. Злые феи Вашингтона пророчили ему гибель в колыбели. Они не ограничивались пророчествами и колдовством: они пытались насильственно задушить демократический Китай в колыбели, заморить его голодной блокадой. Марксистская наука и политика предвидели и предсказывали могучее развитие Китайской Народной Республики. Поражение США в Корее дало ответ и на колдовское гадание. Попытка поставить китайский народ на колени, продиктовать ему волю империалистов окончилась их позорным провалом. Живет и развивается народный Китай! Безнадежна и бессмысленна политика его «непризнания». Как бы ни откармливала американская биржа гоминдановского выродка на Тайване, как бы ни трясли американские дипломаты шутовским гоминдановским чучелом в ООН, тенденция роста сил и международного авторитета Китайской Народной Республики опрокинет близорукие расчеты американских дипломатов и их послушных холопов.

Что будет в 1954 году? Мы не станем предсказывать события, мы предвидим тенденцию. Она ясна. Латинская пословица говорит: Volentem fata ducunt, nolentem trahunt. Слово «фата» — фатум, судьба — заменим словом «факты». Выйдет: «Факты ведут того, кто добровольно следует за ними, они тащат того, кто упирается».

Официально вопрос о западногерманской армии еще не решен, но фактически уже есть военный министр. Это Теодор Бланк. Год назад он предсказывал: «В конце 1953 года набор солдат будет завершен, и немецкие части будут направлены в некоторые государства». Бланк поторопился. Немецкие солдаты из Западной Германии еще не маршируют на Елисейских полях в Париже. Не исключена возможность, что они будут маршировать в ближайшие годы. Но гадание Бланка провалилось и в другом отношении. Он исходил из того, что в 1953 году Франция ратифицирует боннский и парижский договоры и новорожденное «европейское сообщество» получит новенькую, с фашистской иголочки армию. Однако 1953 год прошел, а нет «европейского сообщества», нет и той «европейской армии», которую предсказал Бланк.

Почему ошибся Бланк и с ним вместе многочисленные гадалки из американской печати? Бланк переоценил силу империалистов США и меру податливости европейских министров, в особенности французских. В свою очередь буржуазные политики Западной Европы недооценили силы народов. Народы решительно против ратификации, которая означает господство германских милитаристов над Западной Европой. Французы видели немецких солдат на Елисейских полях, видели как врагов. Французы, даже правые, даже архибуржуазные, в своем большинстве не хотят видеть германских солдат в Париже и как «друзей». Этого не учли те политики, которые сбрасывают народ со своих политических счетов. Это предвидели вооруженные марксистской наукой политические деятели и публицисты. Так называемая «малая Европа» — это большая война. А народы не хотят войны.

Из года в год пророки Северо-атлантического блока отпевали независимость народов и предсказывали в новом году торжество сверхсуверенного, наднационального объединения. Американский диктат стоял за этими пророчествами. Так было и в прошлом году. Гадалкам в кофейной гуще виделись очертания «Соединенных Штатов Европы» с американским генерал-губернатором во главе. По картам политических шарлатанов выходил в 1953 году бубновый король из Нью-Йорка, дальний путь «на Восток», большое богатство, счастливый брак. Ничего из этого не вышло. Славны бубны за океаном, но в Европе народы под эти бубны не соглашаются плясать. Путь на Восток закрыт для политических авантюристов. Англо-американский, франко-германский браки расстраиваются. Вместо богатства — банкротство. Американские публицисты горько жалуются на рост «национализма» в Западной Европе, в Азии и Африке. Это значит, что ни один народ не отказывается от своей независимости, и хотя американские банкиры хранят в своих сейфах запродажные документы на свободу народов, подписанные господами Плевенами, Аденауэрами, де Гаспери и прочими политическими спекулянтами, но не стоят эти документы ни гроша. На них нет визы народов. Ее и не будет. Это мы предсказываем со всей уверенностью.

Буржуазные гадалки предсказывали войну на 1950, на 1951 год и на все последующие годы. В конце 1952 года американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» мрачно заявил: «1954 год — год наибольшей опасности». Редакция пугала своих читателей. Откуда это зловещее прозрение? Немцы говорят: «Der Wunsch ist der Vater des Gedankens» — «Желание — это отец мысли». Американские империалисты стали маньяками близкой войны, потому что хотят этой войны. Миллиардерам нужна мировая война как выгоднейший бизнес.

1953 год прошел. Тот же журнал, который пророчил близкую войну, мрачно признал: «Никто не ожидает нападения России в скором времени». В действительности никто не ожидает советской агрессии и в отдаленном времени. Народы не поверили американскому шантажу. Число обманутых американской пропагандой войны значительно сократилось в 1953 году. Мы предвидим с достаточным основанием значительное сокращение простаков в 1954 году.

В США журналы, общие и специальные, переполнены статьями, пытающимися разгадать причины усиления так называемых «антиамериканских настроений». Но кто гадает, тот обрекает себя на слепоту. Мы слышим рассуждения о том, что европейцы «неблагодарны», что они «завистливы», что они «старомодны», что они «капризны», и поэтому они не любят американцев, что американцы-де «надоели» и т. п. Все это причины психологические. Американские захватчики, наводнившие Западную Европу, действительно надоели пуще горькой редьки, действительно вызывают раздражение своей грубостью, наглостью. Но все это причины побочные. А главная, основная — в экономике. Американские империалисты явились в Западную Европу как «спасители», как «друзья», как «помощники». Они сулили Западной Европе порядок, мир, благосостояние, прочность в хозяйстве, в быту... А на деле они оказались грабителями, жадными и жестокими эксплуататорами, ростовщиками, душителями народного хозяйства и национальной культуры.

Они это делали, чтобы самим уйти от экономического кризиса, который все более настойчиво стучится в двери капиталистического лагеря. Этот кризис стоит за углом в капиталистическом мире. От его холодного дыхания уже свертываются целые отрасли промышленности. Мы не можем сказать, когда он ворвется, как ураган, но та тенденция, которая так ясно обозначилась в 1953 году, станет еще более отчетливой в 1954-м. Об этом свидетельствуют тревога, тоска, с которой идеологи капитализма вглядываются в новый год. В конце 1952 года на своей ежегодной конференции в Чикаго американские экономисты говорили, что «некоторые прогнозы буквально вызывают дрожь».

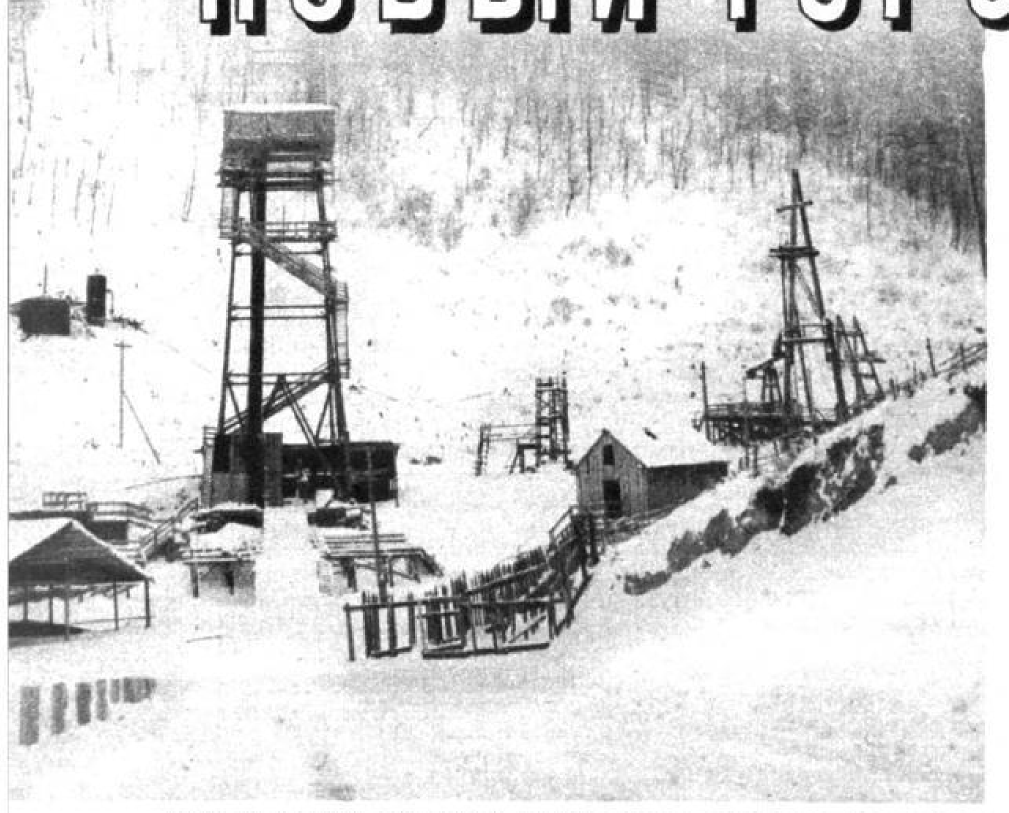
Прошел год. Дрожь стала еще сильнее. Производство в капиталистических странах топталось на месте либо шло вспять. Жизненный уровень трудящихся понижался.

Мы спокойно и уверенно встречаем новый, 1954 год, как встречали новый, 1953-й. Экономический кризис, который, как голодный волк, рыщет по всему капиталистическому миру, в бессильной злобе останавливается у советских ворот, у ворот демократических стран. Сюда ему хода нет. Он исключен законами экономики социализма. Законом нашей жизни является экономический подъем. В 1953 году мудрая Коммунистическая партия начертала новый план этого подъема, знаменующий новую ступень вверх, требующий от всего народа творческого напряжения, усиленной работы мысли, развертывания народных талантов и способностей. Это значит, что и в 1954 году мы будем жить интереснее, богаче, увлекательнее и в новом году, как в старом, по всему миру будут от нашей великой страны излучаться идеи мирного труда и мирной политики.

Сталинград. Общий вид Центральной набережной Волги и пассажирской пристани «Сталинград».
Фото С. Кропивницкого (ТАСС).

НОВЫЙ ГОРОД В ЖИГУЛЯХ

Село называлось Отважным. Трудно сказать, когда ему дали это имя. То ли в ту пору, когда здесь, в Жигулях, ходили люди Разина, то ли позже, когда тут, на самом берегу Волги, поселились рыбаки — народ храбрый, рисковый...

Кем бы ни были первые здешние поселенцы, место они выбрали счастливое, словно знали, что геологи найдут в этом краю нефть, словно ведали, что сюда придут строители и скажут: «Тут стоять гидростанции...»

На месте Отважного возник поселок, а затем и город, с которым горы поделились своим именем: Жигулевск...

Город нефтяников и гидростроителей — один из самых молодых в нашей стране, где так много юных городов. Дата его рождения — 21 февраля 1952 года.

Вот его улицы, вот его дома, вот его люди.

Два друга, два депутата городского Совета, встретились во Дворце культуры на концерте самодеятельности. Буровой мастер Василий Раков и экскаваторщик Владилен Мячев. Нефтяник и гидростроитель.

Короткий рассказ о них, может быть, станет одновременно и рассказом о городе.

Василий Раков из семьи сибирского старателя, человека, который в поисках золотишка истратил все свои силы, но так бедняком и остался. Василий тоже всю жизнь искал золото, но только черное — нефть. Он искал ее на Сахалине, под Грозным, на Кубани, в Краснокамске, под Ромнами. Спутник и верный товарищ геологов, он искал вместе с ними нефть и здесь, в Жигулях. Он бурил первую скважину, из которой ударила фонтаном девонская нефть, названная так потому, что ее добыли с огромной глубины — из девонских пластов земли, образовавшихся сотни миллионов лет тому назад. Давно пытались найти нефть в девоне, и только двенадцать лет назад советским геологам удалось это сделать впервые. Раков бурил скважину в Яблоневом овраге. Палатка, в которой он жил, стояла неподалеку от скважины. Это было в год войны, и нефть, найденная в Яблоневом, как никогда, требовалась стране...

Как-то спросили у Ракова, сколько он скважин пробурил на своем веку. «Математики, — сказал, — не хватит». Он, конечно, пошутил. Математики хватит, но число действительно немалое — пятизначное. Нынче Раков не бурит. Не потому, что стар: ему никогда не дашь его пятидесяти четырех лет. Занят он сейчас самым сложным делом — ему присвоено звание ловильного мастера. Ловильный — от слова «ловить». Представьте, что на глубине 1 500—2 000 метров сломалось долото или застрял какой другой инструмент. Как их достать оттуда? Раков достает, ловит с помощью особого «колокола» и магнитов. Нет у нефтяников работы сложнее этой.

Таков Раков Василий Андреевич.

Владилен Мячев намного моложе его. Он родился 22 января 1925 года, в первую траурную ленинскую годовщину, и в память о великом вожде был назван Владиленом. Он родился на Урале, в Кушве, у горы Благодать. Отец работал крановщиком в мартеновском цехе. Владилен тоже был крановщиком, а потом перешел на экскаватор, добывавший руду.

Мячев приехал на Волгу, когда Жигулевск уже существовал, но был еще не городом, а рабочим поселком. Строители гидростанции квартировали тогда у нефтяников, которые встретили их по-братски, потеснились, приняли радушно под свои крыши.

Теперь у гидростроевцев свой жилой городок. Соединившись с городком нефтяников, он-то и образовал вместе с ним Жигулевск.

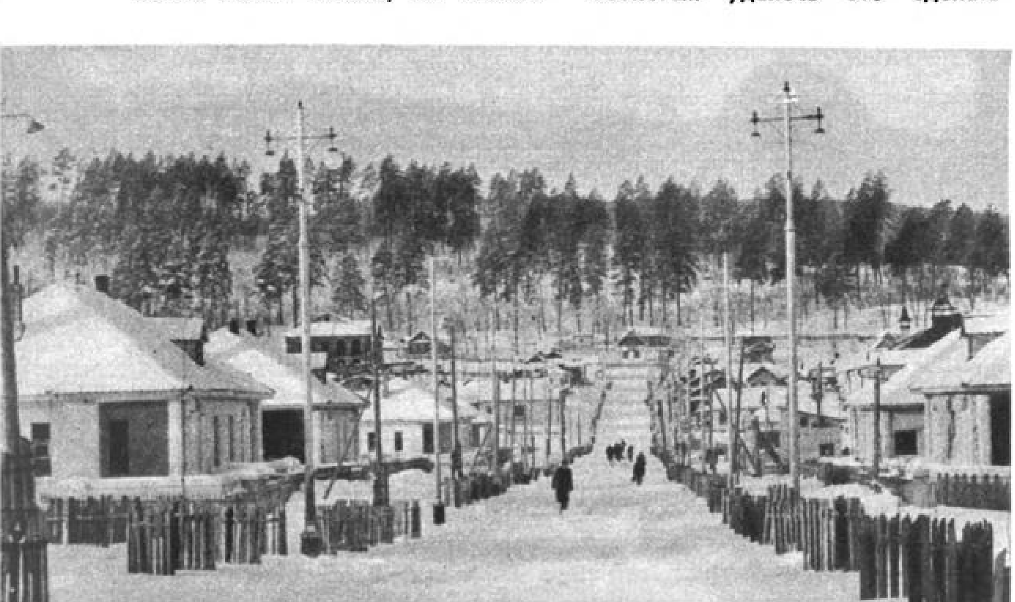
Вот Дворец культуры. Он возведен гидростроителями. Сейчас депутат Мячев, пригласив депутата Ракова во дворец, как бы отвечает на гостеприимство Василия Андреевича, который радушно принимал его в свое время в клубе нефтяников.

Василий Андреевич поздравляет Мячева с новосельем. Владилен неделю назад поселился со своей семьей в доме, построенном рядом с дворцом. Семья Мячевых разрослась. Приехали с Урала втроем: он, жена, сынишка Вова. В Жигулевске родился Юра...

Совсем недавно к Мячеву приехал его младший брат, Владимир, отслуживший срочную во флоте. Куда податься? К брату, на экскаватор, в помощники по электрической части.

Это такая семейственность, которую можно только приветствовать...

...Сидят рядом два друга, два депутата, два жигулевца.

— Алло, алло!.. Ясли?.. Мне нужны ясли... Кого-нибудь... Алло, что вы говорите? Я не понимаю...

Трудно, конечно, понять. Там, на втором этаже, к телефону подошел человек, который только полгода назад начал говорить; этому человеку нет еще двух лет, он ровесник Жигулевска. А вот Людочка Сухинина, девочка с бантом,— уже, можно сказать, «старушка»: она в три раза старше города. Ей скоро шесть.

Детский сад на первом этаже, ясли — на втором. Сегодня привезли замечательную игрушку — детский телефон. Он как настоящий и даже лучше некоторых настоящих, которые в Жигулевске работают не очень-то четко. А этот с батарейкой, провод протянут с первого этажа на второй, и можно отлично переговариваться.

Людочка продолжает кричать в трубку:

— Алло, алло! Ясли? Отвечайте, ясли... Ребята из детского сада приглашают вас на елку... На елку! На елку!

Отчаявшись договориться, кладет трубку и заявляет в огорчении:

— Вот чудаки люди! Я их в гости зову, а они не понимают.

В этом городе почти каждый день справляют новоселье. Переселяются в новые дома семьи нефтяников и гидростроителей. Переселяются и сами дома, те, что стояли в районе строительства ГЭС. Переселяются целые улицы — Садовая, Кооперативная, Чапаевская, лежавшие у реки и теперь перебравшиеся поближе к горе. Переселяются учреждения: только что отстроенное здание заняли нефтяные тресты. Переселяются школы, детские сады, библиотеки, магазины...

На этом снимке запечатлено новоселье книжного магазина, который, покинув старенький, барачного типа домишко, въехал в прекрасное, специально оборудованное помещение.

В честь новоселья из Куйбышева прислали много книг. Сейчас их раскладывают по п олкам. Завтра магазин открывается...

* * *

Из далекого Плоешти приехал в Жигулевск Георге Алдя. Он нефтяник и сын нефтяника. Его отец был рабочим на нефтеперегонном заводе в городе Кымпина, а когда в Румынии пришел к власти народ, стал директором этого предприятия... Георге учился в лицее, потом в институте и вот уже четвертый год работает начальником лаборатории на одном из плоештинских нефтепромыслов. Минувшим летом инженер Алдя получил задание: отправиться на год в Советский Союз, чтобы познакомиться там с новыми методами добычи нефти. В пути Георге много думал о том, как же он будет учиться у советских людей, не зная русского языка.

Первое время было трудно. Георге Алдя пришлось превратиться в школьника и посещать уроки, которые вызвалась ему давать учительница русского языка и литературы жигулевской школы № 7 Елена Ивановна Глухарькова. Договорились заниматься три раза в неделю по два часа, но встречались чаще и сидели над учебником дольше. В занятиях принимал участие и муж Глухарьковой, Владимир Петрович, тоже учитель литературы. Ученик оказался способным, и постепенно учеба стала взаимной, так что трудно уже было разобрать, кто у кого учится: Алдя у Глухарьковых русскому языку или Глухарьковы у Георгия Николаевича — так они его называют — румынскому.

Техническим консультантом инженера из Плоешти был старший геолог промысла Александр Павлович Юнин. С каждым днем им становилось все легче объясняться друг с другом. И теперь частенько можно услышать, как Юнин что-то объясняет Георге по-румынски, а тот отвечает Александру Павловичу по-русски.

На снимке мы видим Георге Алдя (справа) с его советскими друзьями — Юниным и Глухарьковой.

* * *

Торжественно движется по заснеженным улицам этот трогательный кортеж.

Газовщик с нефтепромысла купил недавно мотоцикл. Обкатывая «стального коня», юноша прицепил к нему три «экипажа». Водитель не прочь бы включить третью скорость, «газануть», но едет медленно, осторожно, то и дело оглядываясь на маленьких пассажиров: хорошо ли им, удобно?

Очень хорошо и очень удобно! Разве это не видно по выражению их лиц?..

В Жигулевске пятнадцать школ — средних, семилетних, рабочей молодежи. А в октябре открылась еще одна школа — детская музыкальная. Ей отвели пол-этажа в новом доме.

Здесь два класса — класс рояля, которым руководит Евгения Александровна Соколова, приехавшая из Ташкента, где она преподавала в консерватории, и класс баяна, который ведет Кузьма Яковлевич Карпенский, окончивший Курское музыкальное училище. Скоро начнут заниматься и скрипачи.

В эту школу принимают с непременным условием: помимо хорошего музыкального слуха, нужны еще и хорошие отметки в обычной школе.

...Тяжел баян, но Толе Меньшикову легка эта ноша! Ведь какое счастье — взять в руки недавно еще недоступный отцовский инструмент и сыграть на нем не хуже самого отца!..

Семь кустарных пекарен, старательно трудясь в ожидании, пока будет пущен механизированный хлебозавод, пыхтя и тужась, выпекали за сутки десять — двенадцать тонн хлеба, не больше.

Но вот в канун 1953 года завод был пущен. В его цехах все подчиняется пару и электричеству. Человеческим рукам — их занято тут всего лишь семь пар — остается мало работы.

Двадцать тонн хлеба, свеженького, теплого, ароматно пахнущего, ежедневно развозят машины по магазинам города.

В канун наступающего нового года должны пустить на хлебозаводе цех кондитерских изделий. Скоро на праздничных столах жигулевцев будут красоваться торты, пирожные, крендели собственного, жигулевского производства.

Лыжники!

Сама молодость овладела Жигулями. И теперь уж им не будет покоя... Городу расти и шириться, захватывая все больше и больше пространства. Нефтяным вышкам шагать все глубже и глубже в леса и горы. Зданию гидростанции подыматься все выше и выше из котлована. Нет, покоя не будет. Так задумано... И придется Жигулям помолодеть.

А. СТАРКОВ
Фото А. ШАЙХЕТА.

Лыжня

Владимир ЛИФШИЦ

Ровной лыжней,
Гладкой лыжней
Через пруд —
Наискосок —
Мы сперва
Покатим в ближний
Запорошенный
Лесок.

Как легко бежать на лыжах
Мимо сосен этих рыжих
И сшибать
С пушистых елей
Шапки снега на бегу!

Огибать кусты, березы,
Потому что две полоски,
Кто-то первый
Две полоски
Нам оставил на снегу!..

Выбегаем на поляну.
Ой, как за ночь намело!
Все кругом,
Куда ни гляну,
Все кругом белым-бело!

Блещут дали снеговые,
И похожа эта гладь
На открытую впервые,
Неизмятую тетрадь.

Видно, кто-то почему-то
До поляны докатил,
Призадумался
И круто
Вдруг назад поворотил...

Хорошо бежать по лыжне,
Делать шаг
Во всю длину!
Хорошо бежать по лыжне,
Только я с нее сверну!

Что с того,
Что путь стал труден!
Отступать назад не будем!
Что с того,
Что рыхлый снег
Замедляет быстрый бег!

Каждый шаг
Дается с бою,
Резкий ветер
Хлещет в грудь,
Но идущим
Вслед за мною
Я
Прокладываю
Путь!

ТОСТЫ ДРУЗЕЙ

Надежда и уверенность

Жак ДЕНИ,
Генеральный секретарь Всемирной федерации демократической молодежи

Новый, 1954-й!

Ты будишь во мне, как во всяком, кто молод, надежду и уверенность.

Надежду, что воля народов склонит весы истории на сторону мира и приведет к смягчению всех международных разногласий.

Надежду, что после Кореи перестанет литься кровь и во Вьетнаме, где столько молодых патриотов этой благородной страны отдают жизнь за свободу, в то время как французские матери оплакивают своих сыновей.

Надежду, что во Франции, как и в других странах Европы, миллиарды пойдут на нужды молодежи, всего народа, а не на войну.

Уверенность, что так оно и будет! Ибо борьба молодежи все более мощно вливается в бурный поток движения сторонников мира, в движение человечества за свободу, независимость, сотрудничество.

Привет тебе, Новый год, год надежд, борьбы и побед!

Навстречу 1954 году

МАО ДУНЬ,
китайский писатель

В современном капиталистическом мире есть категория людей, которые постоянно пророчествуют в отношении международных дел и при этом хвастаются, что их предсказания безошибочны.

Например, они предрекали, что Советскому Союзу потребуется не менее полустолетия, чтобы залечить раны, нанесенные войной. Они же с самодовольной улыбкой говорили, что Советский Союз долго, а может быть, и никогда не сможет овладеть секретом производства атомного оружия. Неумолимые факты жизни нанесли пощечину всем этим пророкам.

Древняя история Китая знает одного чиновника по имени Чжао Гао, карьериста и обманщика. Он указывал на оленя и говорил, что это лошадь; тем, кто не верил ему и не повторял слов лжеца, Чжао Гао отрубал голову.

Современные Чжао Гао выступают под различными масками. Одни называют себя «защитниками западной цивилизации», другие — распространителями «американского образа жизни». Так как они живут в середине XX века, то действуют не столь примитивно, как Чжао Гао, живший более двух тысяч лет тому назад. Современные Чжао Гао используют разнообразные средства пропаганды: газеты, кино, радио,— чтобы впрыскивать людям яд лжи и клеветы, одурманивать их, постепенно все больше запутывать в свои сети.

Они поступают, как воры, кричащие: «Держи вора!» Но факты то и дело изобличают этих лжецов. С каждым днем все больше людей начинает понимать, что под дымовой завесой так называемой «агрессии коммунизма» американские империалисты хотят установить свое господство в странах Запада

и Востока. Люди видят, что любая страна, где появляются американские «советники» и американские базы, фактически теряет свой суверенитет.

Не будет ничего удивительного в том, если в наступающем, 1954 году с новой силой подымется голос народов: «Янки, убирайтесь домой!»

Быть хозяином своей судьбы

Антуан ТАБЕТ,
ливанский архитектор

Мысли и надежды моих соотечественников на пороге 1954 года? Они не отличаются от мыслей и надежд любого другого народа. Как и все, мы хотим жить в мире, в счастье. Иначе говоря, отдалить угрозу войны с ее бедствиями, горем, разрушениями.

Но что значит для любого народа жить в счастье? Это значит: быть хозяином своей судьбы, ни с кем не делить право на богатства своей родины, никому не позволять вмешиваться в твою политическую жизнь, в твои национальные обычаи.

Вот почему мы, ливанцы, требуем вывода иностранных войск с территории братских арабских стран. Вот почему нам ненавистна пресловутая американская «помощь» — эта «законная» лазейка для тех, кто хочет удушить нашу свободу и независимость. Вот почему мы за торговые связи со всеми странами на основе равенства и взаимной выгоды, за расширение экономических отношений с Советским Союзом, народным Китаем, демократическими странами Восточной Европы.

Что мне хотелось бы пожелать читателям журнала «Огонек»? Им, как и всем гражданам СССР, я желаю и впредь жить и процветать в мире и успешно осуществить благородную, прекрасную программу повышения материального и культурного благосостояния народа!

Видеть Советский Союз сильным и счастливым — это в интересах и ливанского народа, и мы от всей души желаем этого.

Спокойствие и здравый смысл

Леопольд ИНФЕЛЬД,
польский ученый

Легко, даже, пожалуй, слишком легко перечислить наши пожелания 1954 году.

Прочный мир в Корее, Вьетнаме, Малайе. Свобода для колониальных народов. Объединенная Германия, демократическая и миролюбивая. Американские солдаты, возвращающиеся к себе в Америку. Подъем жизненного уровня миллионов людей в результате разоружения. Всесторонние и широкие торговые связи между всеми странами. Признание за народным Китаем его права на законное место в ООН. И как венец всего этого — ликвидация международной напряженности.

Но, может быть, не следует сразу запрашивать так много с 1954 года? Пусть в этом году будет положено хотя бы прочное начало мирному урегулированию международных проблем. Пусть больше спокойствия и здравого смысла войдет в жизнь людей во всех странах и больше честности! Той честности, которая зовет к запрещению оружия массового уничтожения; той честности, какую постоянно проявляет Советский Союз и любой человек доброй воли в любой стране, призывая к уничтожению запасов атомного и водородного оружия и к установлению строгого международного контроля над выполнением этого. Пусть еще глубже, чем до сих пор, проникает в сознание людей мысль, что атомная энергия должна быть использована для жизни, для блага людей!

Если наступающий, 1954 год принесет человеку все это, станет легче идти по пути к мирному сосуществованию всех стран и народов, к освобождению человечества от тяготеющей над ним угрозы войны.

Матери верят в мир

Эжени КОТТОН,
председатель Международной демократической федерации женщин

Мужчины и женщины Франции понимают, какое большое значение для человечества имеет их борьба против сил агрессии и войны. Французы надеются, что эти их усилия увенчаются успехом в 1954 году, что в этом году наступит конец братоубийственной войне во Вьетнаме и потерпит провал план создания «европейского оборонительного сообщества», главной целью которого является возрождение реваншистских военных сил Западной Германии.

Читателям журнала «Огонек», всем нашим советским друзьям, которые с таким мужеством и благородством выступают против угрозы войны, матери Франции шлют свои самые сердечные новогодние пожелания. Они твердо верят, что в наступающем году намного возрастет число защитников мира, что силы мира и прогресса восторжествуют над силами войны и вырождения.

К торжеству гуманности

А. ФАРИДИ,
индийский врач

Тени грядущих событий витают над рождающимся 1954 годом. Но того, что народы уже достигли на пути к миру, дружбе и лучшей жизни, не отнять никому.

Одно из важнейших событий 1953 года — сообщение о том, что миролюбивый Советский Союз владеет тем оружием, которым грозили человечеству из-за океана. Перемирие в Корее было вторым фактом, вселившим надежду на то, что есть путь избежать ужасов войны.

Но силы зла не дремали — это видно хотя бы по новым американским военным базам во всех частях земного шара.

Пусть новый, 1954 год будет годом осуществления желаний всех, кто стремится к миру, годом нового размаха движения сторонников мира, торжества гуманности и благополучия всех людей!

ТОСТЫ ДРУЗЕЙ

За советско-турецкую дружбу!

М. ЗЕКЕРИЯ СЕРТЕЛЬ,
турецкий журналист

Я поднимаю свой бокал за советско-турецкую дружбу. И я призываю моих советских друзей выпить за счастье и братство народов наших стран.

Во время моего недавнего пребывания в вашей стране я видел бесчисленное множество проявлений любви и дружбы советских людей к народу Турции. Я был свидетелем таких искренних, теплых сцен, что порой не мог сдержать слез. Я знаю, турецкий народ испытывает к советскому народу не только глубокую симпатию, но и благодарность. Однако отравленная атмосфера, царящая у нас в стране, мешает открыто выражать подобные чувства. Мне известны имена молодых патриотов, которые сейчас находятся в тюрьме за то, что осмелились сказать о своих симпатиях к советскому народу.

Безопасность и благополучие Турции, так же, как и других стран Ближнего и Среднего Востока, настоятельно диктуют укрепление дружбы и сотрудничества с соседними государствами. Но сейчас в Турции есть люди, которые стремятся направить нас на ошибочный, роковой путь.

Говорят, что можно обманывать некоторые народы в течение недолгого времени, но нельзя навсегда обмануть целый народ. Я уверен, рано или поздно советско-турецкая дружба возродится на новой, более крепкой, чем раньше, основе. Я поднимаю бокал за это!

Лед холодной войны растает

Джеймс ЭНДИКОТТ,
председатель Канадского конгресса защиты мира

Мы прошли сквозь опасный и трудный год, твердо придерживаясь дороги мира. Мы встречаем новый, 1954 год со спокойным и зрелым чувством оптимизма, уверенные, что еще больше сделаем на пути к прочному миру.

Во время национального референдума по вопросу о мире девяносто процентов канадцев, которым мы задали вопрос: «Стоите ли вы за встречу великих держав?»,— ответили: «Да». С каждым днем раздаются все новые голоса представителей научных, религиозных и политических кругов, желающих ослабить напряжение в международной обстановке путем переговоров.

В истекшем году в капиталистических кругах на Западе высказывалось множество враждебных Советскому Союзу предположений и всяких нелепых «надежд». «Мудрецы Запада» оказались глупцами или слепыми людьми со всеми своими пророчествами относительно «бреши в советской системе». Они не могли понять, что не советская система, а именно их собственная философия холодной войны имеет брешь. Все их спекулятивные предположения и злонамеренные планы оказались битыми, когда перед ними встали ясные призывы к миру, исходившие от Советского правительства. Советские государственные деятели открыто заявили, что нет такого вопроса, который не мог бы быть разрешен путем переговоров, в том числе вопрос о взаимоотношениях между СССР и Соединенными Штатами. И эти мужественные и разумные призывы, а не угрозы и запугивания проповедников войны проникли в сердца людей всего земного шара.

Самым важным событием прошедшего года было подписание перемирия в Корее. В разгар разрушительной войны появилась палатка в Паньмыньчжоне, где начались переговоры. Силы добра соорудили пристанище мира среди бушующего сражения. Скромная палатка положила конец битвам, так как она выражала требования народов всего земного шара.

На что мы вправе надеяться в 1954 году? На ослабление международного напряжения, на перемирие в Индо-Китае, на повышение уровня жизни почти половины населения земного шара. Военные приготовления Америки преграждают путь к прогрессу и торговле, подобно огромному айсбергу, холодный массив которого угрожает кораблям в Атлантике. Но лучи солнца уже начали растапливать айсберг. Пусть же от тепла человеческой воли к миру растает лед холодной войны в 1954 году!

Тем, кто рассчитывает на войну, предстоит беспокойный год. Что касается движения за мир, оно будет шириться и делать свое дело. Оно становится столь же непреодолимым, как силы весны, которые несут с собой радость, свет и рост всему живому.

Чтобы не было военных баз...

Джон ЛЯ РОЗ,
секретарь Независимой партии Вест-Индии (Тринидад и Тобаго)

Народ моей страны шлет горячий братский привет великому Советскому Союзу по случаю наступления Нового года!

Мы, на Тринидаде, ведем суровую борьбу за свою национальную независимость рука об руку с другими народами британских колоний в бассейне Караибского моря. Долгие века британский империализм угнетал нашу страну. Теперь на ее территории нашли «приют» американские военные базы. Британские оккупанты готовятся распространить военную агрессию, начатую против Британской Гвианы, на Тринидад и Ямайку.

Наперекор всем угрозам мы будем продолжать свою борьбу. Мы будем бороться за хлеб, за пособия по безработице, за изменение конституции в интересах трудящихся, за то, чтобы не было военных баз на нашей земле, за демократию и прогресс.

Мой народ с воодушевлением взирает на светоч свободы и мира, зажженный Советским Союзом. Для всех колониальных и зависимых народов это знамя борьбы!

Пусть же принесет с собой Новый год успехи в борьбе за наши национальные надежды и чаяния!

За самых близких

Жан МАЛЬТЕР,
французский ученый

Самые близкие мои друзья — это друзья мира, те, кто понял, в чем спасение, и кто мужественно защищает белую голубку. Но и те, кто еще не понимает и покорно гнет шею,— тоже мои друзья...

Малыши, с детства узнавшие голод и холод, малыши с босыми ногами, израненными острыми камнями мостовых, юные создания, растущие без улыбки и радости, без светильника знания,— для вас, прежде всего для вас, я мечтаю о прочном, долгом, вечном мире между народами! Это вам я желаю новой, счастливой жизни, той, которая стала уже реальностью для сотен миллионов людей там, где всходит солнце! Ведь так грустно для ребенка жить без радости и тепла...

Читатели журнала «Огонек» — о, разумеется, они тоже мои близкие друзья! — люди Советского Союза — взрослые, юноши, дети,— все они пример и поддержка нам в борьбе за мир и лучшее будущее. Советский народ своим спокойствием и мужеством побеждает все провокации лагеря войны, он спас мир, и все человечество чтит его и благодарит за это.

Я желаю всем советским людям продолжать их великое дело: строить каналы, университеты, больницы, стадионы, детские ясли! Ученым Советского Союза я желаю, чтобы новый, 1954 год принес им научные открытия, которых ждет человечество, которые помогут одолеть болезни и старость, использовать атомную энергию для мирного производства, которые увеличат плодородие земли.

Я желаю всем советским людям, чтобы слова разума и мира, исходящие из Москвы, были услышаны во всех уголках земли, побеждая страх и неверие, открывая путь для честных переговоров, для взаимного понимания и плодотворного сотрудничества народов!

Я желаю вам, советские люди, увидеть в будущем году успех усилий других народов в борьбе за свободу и независимость! Франция, ее народ, больше чем когда-либо устремляет с надеждой свои взоры к дружественной Стране Советов, с которой нас сроднили тяжелые страдания в борьбе с фашизмом.

С Новым годом, советские люди!

Африка сбрасывает цепи

Габриэль д'АРБУСЬЕ,
вице-председатель Бюро Всемирного Совета Мира (Черная Африка)

Я хочу поделиться с читателями журнала «Огонек» моими мыслями в связи с наступающим Новым годом...

Тысячелетиями народы Черной Африки вели тяжелую войну против жестоких сил природы. Столетия назад началась борьба против рабства и колониального гнета. От побережья Сенегала до Больших озер, от песков Сахары до лесов Конго, от равнин Чада до Южно-африканского нагорья сто пятьдесят миллионов рабочих и крестьян, рыбаков и учителей, объединенных общностью жизненного уклада, религиозными и культурными традициями, сплоченных горечью своего рабства, подымаются на борьбу. Они бережно хранят живые предания о своем национальном прошлом. Поэзия Судана и скульптура Бенина, танцевальное искусство Гвинеи и архитектура Конго — все напоминает этим народам, что у

них было великое прошлое, уничтоженное и растоптанное империализмом.

Память о прошлом рождает и питает надежду. Встречая зарю Нового года, эти народы видят перед собой еще смутный, но все более облекающийся плотью и кровью образ Африки, сбросившей цепи империалистического гнета, Африки, населенной миллионами свободных людей, живая энергия которых, как эхо, отдается в лесах и саваннах, в горах и долинах, в городах и селениях. Они слышат радостную музыку свободного труда, мелодичные песни своих поэтов и певцов и веселый смех женщин и детей — свидетельство победы над угнетателями и первых побед над природой...

Вот то, о чем мечтает — я в этом уверен — каждый африканец на пороге 1954 года.

Продолжать борьбу

Рам КАРРАН,
член распущенного парламента Британской Гвианы

Наступающий новый год застает народы Британской Гвианы, пожалуй, более несчастливыми, чем в течение всего почти полуторавекового британского господства.

Впервые за долгий период мы добились права самим избрать свое правительство. Оно приняло законы, по которым помещики принуждались провести осушение болотистых земель и другие ирригационные работы. Были узаконены профсоюзы. Однако британские колонизаторы вмешались и применили насилие. При помощи войск и подводных лодок, блокировавших наше побережье, конституция была попрана и правительство свергнуто.

Провокации не сломили волю нашего народа. Мы полны решимости продолжать начатую борьбу. Мы убеждены, что англичанам не удастся осуществить свои замыслы: мировое общественное мнение за нас, за народ Британской Гвианы.

Сегодня, поздравляя советских людей, все человечество, в том числе и честных людей Англии, с Новым годом, мы искренне надеемся, что придет время, когда все народы смогут жить в мире, создавая совместно новую цивилизацию, которой не знало еще человечество.

Нужны действия!

Д. Н. ПРИТТ,
Президент английского Комитета защиты мира

В новом году все надежды, все мечты английского народа устремлены к миру.

Глубокое беспокойство охватывает трудящихся Англии. Они опасаются, что снова будут ввергнуты в войну. И вместе с тем их страшит призрак безработицы. Они остро ощущают угрожающий рост цен, при котором жизнь каждого становится шаткой и трудной. Они с огромным беспокойством следят за планами перевооружения Западной Германии, за тем, как американские войска и атомные бомбардировщики оккупируют землю Англии, как растут и растут непомерные расходы на вооружения и как сокращаются средства на просвещение, на социальные нужды.

И, убеждаясь все больше, что все это прямо и непосредственно связано с угрозой войны, они возлагают, как я уже сказал, все свои надежды на успех борьбы за мир. Но они уже знают теперь, что недостаточно мечтать и надеяться, что надо действовать. И они уже действуют и будут действовать все лучше.

За единство Германии

Стефан ХЕРМЛИН,
писатель ГДР

В эту ночь, когда пробьет двенадцать, немецкий писатель поднимет бокал за свою страну; за ее полное освобождение от мрака эксплуатации и войны, еще висящего над горизонтом германского Запада; за всех честных людей Германии, которые трудятся над тем, чтобы сделать ее единой и дружелюбной; за ее тысячелетнюю литературу, прекрасную музыку; за виноградники Рейна и домны Сталинштадта; за то, чтобы город, где родился Гете, и город, где он жил и работал, снова принадлежали одной стране, а древние соборы Бамберга и Наумбурга не разделялись границей.

Немецкий писатель поднимает бокал — может ли он это не делать, думая о своей родине? — за ту страну, великую, цветущую, самоотверженную и благородную, которая подняла Германию из развалин и помогла ей хлебом, сталью и книгами. За страну, которая теперь спокойно и непреклонно отстаивает интересы моей Германии, часто не осознанные даже ею самой.

В ночь на первое января многие немцы в девятый раз после освобождения соберутся за праздничным столом, чтобы поразмыслить о прошедшем и будущем. Соберутся люди страны, которая пока не имеет мира, которая разделена и еще таит в себе опасность для других и для самой себя. Соберутся люди страны, восточная часть которой благодаря мужеству советских солдат в первый раз в немецкой истории нашла верный и честный путь в будущее.

Друзья, я поднимаю этот бокал за Советский Союз, за упорно и мужественно работающих, неудержимо идущих вперед, показывающих пример всему миру, миролюбивых и бдительных советских людей!

Страна, которой принадлежит наше сердце

Иржи МАРЕК

Если ты любишь кого-нибудь, образ любимого человека встает перед тобой повсюду. Черты его лица невольно ищешь в лицах чужих людей. И повсюду, где бы ты ни был, тебе чудится тот заветный уголок, где произошла первая чудесная встреча...

Такое же чувство испытываем мы и к стране любимой, как назвал Советский Союз Юлиус Фучик. Удивительно ли, если черты советского человека угадываешь у многих людей, с которыми встречаешься у себя на родине и в соседних братских странах...

Чудесный город Москва! Неповторим облик Москвы с ее кварталами новых домов, белоснежными высотными зданиями, жизнерадостными, деловитыми, полными спокойствия и уверенности людьми! Но присмотритесь хорошенько: при всех своих особенностях разве и Варшава не похожа на Москву своими новостройками? И разве здание Дворца культуры, возвышающееся над ней, не напоминает чудесные, стремящиеся ввысь сооружения Москвы?

Пройдитесь по новым кварталам Бухареста или Праги — они напомнят вам Новопесчаную улицу в Москве, киевский Крещатик, новые улицы Минска, Баку и других советских городов, бурно распускающихся, словно почки на дереве.

Когда там, на Западе, уйдет в прошлое военная истерия, развеется мрак угнетения и народы станут хозяевами своей судьбы, там тоже для рабочих начнут строить новые кварталы жилых домов, которые будут напоминать Москву.

Ищите образ Советского Союза не только в развертывающихся перед вами пейзажах русской равнины, гор Кавказа и безбрежных лесов Сибири; не только в марках замечательных советских машин, которые работают на заводах и фабриках Китая, Болгарии, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии, Албании. Ищите образ Советского Союза в биении миллионов человеческих сердец, подниметесь ли вы в самолете над румынским городом Брашовом, который сейчас называется Сталин, усядетесь ли в просторной «светлице» польского сельскохозяйственного кооператива или пройдетесь в окружении веселых пионеров по парку вокруг их дворца в Бухаресте.

В Брашове-Сталине я слышал песню о Советском Союзе, которую, как говорят, сложил рабочий-железнодорожник. Песню о советских воинах напевают люди в Словакии. В вагоне поезда, шедшего через Болгарию, я слышал, как болгарская девушка пела старинную русскую песню «Калинку», а чешские рабочие, ехавшие в соседнем купе, стали ей подпевать на родном языке. Потом пели вместе о Чапаеве и о партизанах, «Конную Буденного». И все отлично понимали друг друга...

Политики капиталистического Запада частенько посматривают сейчас на карту мира. Вполне возможно, что их охватывает при этом тревога, даже наверняка. Вид карты им говорит, что лагерь мира стал могучей международной силой. Но географическая карта не может сказать всего. Есть другая «карта», которую хозяева монополий не могут разложить на столе во время своих конференций. На ней нет рубежей и границ. Она в сердцах простых людей, и взгляд на нее принес бы хозяевам монополий еще меньше радости. На обычной географической карте можно флажком отметить новые военные базы. Вот, дескать, мы здесь, и там, и тут! Но в сердцах сотен миллионов людей, населяющих нашу планету, нет никаких баз, кроме одной: братство народов. Это база, на которой вырастает новый мир.

* * *

В болгарской деревне Винница, лежащей на берегу Черного моря, несколько лет тому назад новая жизнь лишь зарождалась. Тогда можно было еще видеть старика-крестьянина, из-за забора своего дома с мрачноватым сомнением смотревшего на окружающее.

Недавно здесь, на дороге, я встретился с таким стариком. Он возвращался домой, видимо, с рынка. Сумка, перекинутая через плечо, была пуста.

— Ну, как торговал, отец? — спросил я его.

— Да какая там торговля! Носил свежие персики первого урожая,— ответил он, утирая пот.

Заметив мое удивление, он добавил:

— Чему удивляешься, приятель? Сюда приехали почетные гости из Москвы. Так вот я и решил их угостить...

Старик-крестьянин нашел путь к новому, к братству и дружбе освобожденных народов. Он нашел его по той «карте», которую носят в своих сердцах честные люди...

Глубоко под землей, в венгерском угольном бассейне Татабанье, в шахте № 14, я беседовал с машинистом угольного комбайна Ондрашем Ласло.

Он первым начал думать о применении советского угольного комбайна «Донбасс». Нашлись люди, которые настойчиво его от этого отговаривали: машина-де никому не известная, недолго и заработки погубить...

Придя домой, Ласло сказал своей жене:

— Не может эта машина быть нехорошей. Ведь она же оттуда — понимаешь? — из Москвы, из Донбасса.

И он записался на курсы машинистов. Теперь Ласло уже работает инструктором. При свете рудничной лампы мы смотрим, как уголь падает на транспортер, который доставляет его к вагонеткам. Непрерывно подходят шахтеры из других забоев. Все, все верят новой машине, все любуются ею. Советский комбайн рушил не только угольную стену, но и стену людских предрассудков...

* * *

Во многих городах стран народной демократии, где я побывал, стоят памятники советским воинам, павшим в боях за свободу этих стран. Вы видите эти памятники в варшавском предместье, в Софии, в Будапеште, в Праге. Но с тех пор выросло много и иных монументов. Ведь не иначе, как монументом новой эпохи, можно назвать полиграфический комбинат «Скынтейя» в Румынии, где видишь чудо современной печатной техники — советскую ротационную машину, выпускающую 3,5 миллиона экземпляров газет за четыре часа!

Голоса воинов давно уже замолкли... Но всюду раздаются голоса новых бойцов: поэтов, людей науки, мастеров, садоводов. Их слова обращены к нам всем, и у всех нас один общий язык. Нравится ли это кое-кому или нет,— это исторический факт, с которым придется считаться!

У нас, на новом металлургическом заводе в Остраве, установлены советские механизмы для автоматического контроля хода мартеновских печей. Советский инженер, который обучал остравских сталеваров обращаться с этим оборудованием, был в Остраве не впервые. Его первое знакомство с городом произошло в 1945 году, когда он, почерневший от пыли боевых походов, вступил в город на танке. Две эти даты в жизни советского человека могут служить символом величия новой исторической эпохи...

Город Плоешти многим похож на Баку. Не только своими нефтяными вышками, но и тем главным образом, что нефть добывается из недр румынской земли уже не для иностранных компаний. А опытные хлопковые поля у нас, или в Болгарии, или в Венгрии — как схожи они с полями советских среднеазиатских республик! Не площадями, конечно, а тем, что земля, которая раньше не родила даже чертополох, теперь родит хлопок.

* * *

Велик и прекрасен наш мир международного братства. В нем растет человеческое счастье. Не какое-нибудь особое, польское, румынское или венгерское, а большое, общее для всех счастье свободных, миролюбивых людей.

С ощущением этого полного, опьяняющего счастья проезжаешь по собственной стране и по городам, селам стран-соседей. И всюду угадываешь, чувствуешь, как мысли людей стремятся туда, где озаренная рубиновыми звездами лежит Москва.

Прага.

СТРАНИЦЫ КОЛХ

Есть в Москве, на улице Горького, старинное красное здание с каменными львами на ограде, с историческими пушками у входа — Музей революции СССР. В его залах готовится сейчас новая экспозиция: «СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства».

Среди множества исторических материалов особое внимание привлекают документы о создании первых колхозов в стране. Вот Обязательство от 29 сентября 1928 года председателя медведковского машинного товарищества «Светлый путь» И. Емельянова. Он выдал это Обязательство Городецкому кредитному сельскохозяйственному товариществу «Крестьянский путь», Нижегородской губернии, об уплате ссуды в сумме 99 рублей 5 копеек на приобретение двух льномяток. Вот заявления крестьян о вступлении их в сельскохозяйственную артель имени Тимирязева того же района. Здесь же первые протоколы общих собраний членов артели, в которых встречаем фамилии учредителей колхоза: И. А. Емельянова, Г. Е. Емелина, А. А. Емельяновой, А. К. Зайцевой, А. А. Локтевой.

Какова судьба авторов этих документов, составленных четверть века назад? Какие перемены произошли за 25 лет в заволжских деревнях, где создавался колхоз имени Тимирязева?

В лесном Заволжье

Долго едем от Горького по заснеженным лугам Заволжья. Воет и крутит метель. Неожиданно вырастает древний Городец. По крутому берегу Волги въезжаем на его узкие улочки и будто погружаемся в удивительную смесь старины с новью наших дней. То покажется обомшелая, вся в рябинах каменная часовня, то вырастет увенчанный вековыми соснами крепостной вал, то с гулом и ревом пройдут гусеничные экскаваторы и бульдозеры, а там откроется стройка плотины и гидроэлектрической станции.

Позади остаются бетонные громады, стрелы экскаваторов и кранов, слепящие вспышки электросварки, и снова бежит зимняя дорога. Указатели ведут к колхозу имени Тимирязева. Еще десять километров пути, и взору предстает расположенная в живописных местах Заволжья Ясная Поляна — центральная усадьба артели.

В правлении колхоза имени Тимирязева собираются учредители артели — председатель колхоза, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Иван Абрамович Емельянов; бывший фронтовик, гвардии сержант, партгруппорг бригады Георгий Егорович Емелин; член ревизионной комиссии колхоза коммунистка Анна Антоновна Локтева; звеньевая Анна Кирилловна Зайцева-Емелина; звеньевая Анна Абрамовна Емельянова-Шумилова.

Оживленно рассматривают ветераны папку с первыми протоколами собраний членов артели, первые акты и заявления, находят свои фамилии, имена знакомых и близких. И большая жизнь колхоза за 25 лет вновь проходит перед их глазами.

— Как вспомнишь, — не веришь, что было и что стало! — восклицает звеньевая Анна Антоновна Локтева. — Жили здесь мужики худо, на полосках маялись, лаптями грязь месили, а вся грамота — крест на долговой бумажке. Теперь дочь моя Соня получила высшее образование, учительствует в Городце.

— Помнишь, Иван Абрамыч, как ты пришел ко мне и стал в артель звать? — обращается к Емельянову звеньевая Анна Кирилловна Зайцева-Емелина.— Сам носил ты тогда шинельку солдатскую, с гражданской войны, сапоги разбитые, а уж в председателях машинного товарищества ходил...

— Как не помнить! — улыбается Емельянов.— Будто сейчас вижу: изба у тебя покосилась, солома гнилая с кровли спадает...

— С колхозной подмогой,— рассказывает нам Анна Кирилловна,— теперь у меня дом большой, светлый, под железной крышей, в доме и электричество, и радио, и обстановка хорошая, лимоны зреют, мандарины растут. Я и в Москве побывала и по Волге ездила — отдыхала.

— Теперь посмотрите-ка, что стало! — Емельянов подходит к окну. — Вот наша Ясная Поляна.

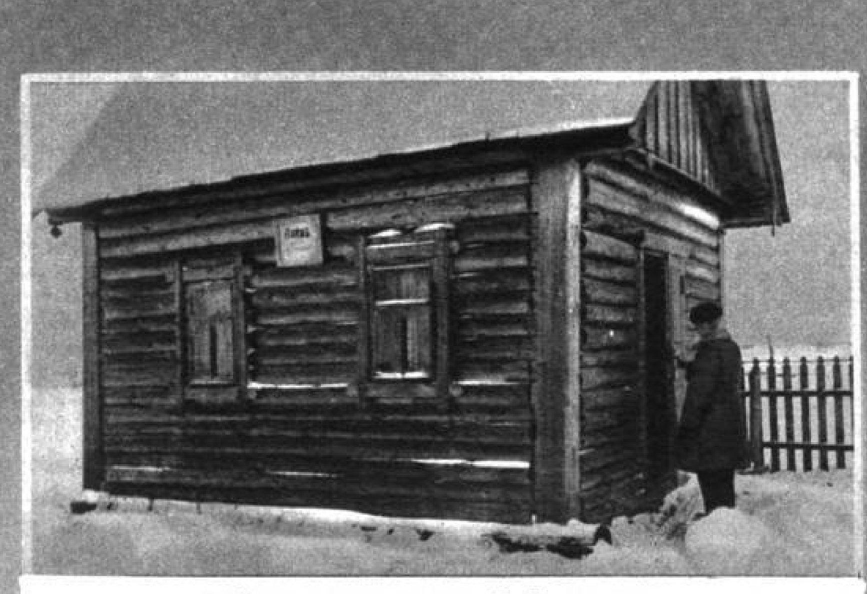
В мглистое зимнее небо вонзается белая каменная башня водокачки с ветряным двигателем; за кирпичным зданием электрической станции высится пожарная каланча над большим депо. По расчету колхозного архитектора, удобно размещены на большой территории фермы, зернохранилище, зерносушилка, машинный и инвентарный склады, гараж, левада для моциона молодняка и маток конефермы, выгульная площадка для кур, снова фермы и склады. И куда ни посмотришь,— всюду широкие улицы, красивые здания.

— Ясную Поляну мы уж сами, обществом, строили,— сообщает Емельянова-Шумилова.— До колхоза тут пустырь был. Во время Отечественной войны, когда наши войска освободили от врагов Ясную Поляну, мы решили назвать свою центральную усадьбу в честь Льва Николаевича Толстого.

* * *

— Если уж пошел разговор об исторических документах,— говорит председатель колхоза Емельянов,— так в артели их очень много. Тут у нас архив есть, называют его «избушкой на курьих ножках».

Из жарко натопленного кабинета попадаем в длинную большую комнату бухгалтерии. Под сенью густо разросшихся в кадках лимонов и мандаринов, сверкающих спелыми золотыми плодами, в чаще жасмина, лилий, пальм и березок работают счетоводы, учет-

Архив колхоза имени К. Тимирязева.

Санаторий для колхозников артели имени К. Тимирязева.

...ОЗНОГО АРХИВА

чики. Проходим на крыльцо. Отсюда видны расположенные по соседству клуб с библиотекой, гостиница и небольшой бревенчатый дом под тесовой крышей — «архивник», та самая «избушка на курьих ножках», о которой говорил Емельянов. Между двумя окнами на стене дома вывеска: «Архив колхоза им. Тимирязева».

Внутри «архивника» выстроились стеллажи, заполненные переплетенными документами. На полках таблицы: 1929, 1930, 1931, 1932, 1933 годы...

Переходим с колхозным архивариусом от полки к полке, достаем солидные томы документов, листаем их, знакомимся с прошлым артели. Год за годом проходит перед нами четвертьвековая колхозная жизнь.

Историей стало то время, когда при Ереминском сельском совете была организована изба-читальня. В 1926 году создали сельскохозяйственный кружок, а позже в деревне Медведково образовалось машинное товарищество «Светлый путь». Через год крестьяне — бедняки и середняки — увидели, какие преимущества дают машины в сельском хозяйстве, как выгодно и удобно работать коллективом, сообща. И вот в 1929 году дружно принимается Устав товарищества по совместной обработке земли. А 1 апреля 1930 года, как рассказывают документы, здесь оформилась артель.

Невелика была ее материальная база: 25 гектаров земли, 2 лошади, 1 корова; примитивный инвентарь: 2 плуга, бороны, телеги; трудоспособных было всего 12 человек.

И вот еще один старый протокол: 30 августа 1930 года председателем колхоза избирается Иван Абрамович Емельянов. Сейчас он стоит рядом, плечистый, жизнерадостный, с золотой звездой на груди, со значком депутата Верховного Совета СССР. Он с интересом листает старые книги нарядов, раскрывает папки с планами, схемами, улыбается, читая их.

— Скоро положат на эти архивные полки и документы за 1953 год,— говорит Емельянов.— Солидные документы! Теперь у нас более четырех тысяч гектаров земли, объединено тридцать шесть деревень с населением более двух тысяч человек. Доходу артель получила в 1952 году без малого четыре миллиона рублей, а в 1953 году — и того больше. Машины повсюду; можно сказать, колхоз у нас электрический.

* * *

Покидаем колхозный архив. Идем по селу. Учредителям артели хочется показать гостям не только свои добротные фермы, великолепных коней, которыми гордится Горьковская область, не только склады со льном, свою гостиницу, ателье, школы, клуб. Мы осматриваем музей колхоза, в котором собраны дипломы, полученные на сельскохозяйственных выставках, кубки, завоеванные спортсменами артели во главе с чемпионом РСФСР колхозницей Полиной Гостинцевой, подарки от иностранных делегаций, посещавших колхоз. После этого нам показывают самое новое: чудесный санаторий для колхозников. Он возникает среди деревьев, сугробов и дымчатого холодного неба. В новогоднюю ночь зажгутся в его окнах разноцветные огни, распахнутся двери: в палатах санатория будут отдыхать и лечиться труженики полей.

Новое — и восьмиквартирный каменный «Дом специалистов», готовый принять едущих из города в колхоз агрономов, инженеров, механиков. О них позаботились колхозники — возвели удобное и просторное здание городского типа.

...Поскрипывает снежок под полозьями саней, а мы все едем и едем то по Ясной Поляне, то по Медведкову, то по улицам Грезина, Желтухина, Еремина... С гордостью посматривают учредители колхоза на фермы, склады, мастерские, добротные дома колхозников, на широкие улицы, паутину проводов, пробегающие грузовики, оживленный каток — на все, что создано за четверть века.

— По этим дорожкам немало хаживало дорогих гостей из зарубежных стран,— вспоминает звеньевая Анна Кирилловна Зайцева-Емелина,— были товарищи из Венгрии и из Румынии. Все смотрели, записывали. Может, им и пригодится, что увидели и узнали они.

Темнеет. Все гуще валит хлопьями снег. Снова задул крепкий ветер, началась злая метель. В белесой мгле мелькают электрические огни. В эту предновогоднюю пору хочется взглянуть вперед: там видны другие, еще более яркие огни колхоза — большое его будущее.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Н. КАПЕЛЮША.

Бухгалтер колхоза Андрей Николаевич Кораблев (на переднем плане) со своим помощником колхозным архивариусом Павлом Кондратьевичем Беляевым работают в архиве.

В правлении колхоза собрались учредители артели имени К. Тимирязева: в центре — председатель колхоза, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Иван Абрамович Емельянов; слева направо — звеньевая Анна Абрамовна Емельянова-Шумилова, Анна Антоновна Локтева, Георгий Егорович Емелин, Анна Кирилловна Зайцева-Емелина.

Румынская делегация в колхозе.

НОВЫЙ ГОД СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Академик А. Н. НЕСМЕЯНОВ,

президент Академии наук СССР

Наступающий 1954 год открывает перед учеными Советского Союза новые необозримые горизонты свободной творческой деятельности на благо человека. Советская наука служит интересам мира, всемерно содействует подъему материального благосостояния и культуры народа, пытливо изыскивает способы полнее изучить и лучше использовать природные богатства. Из года в год исследователи глубже проникают во все отрасли жизни нашей страны. В новом году работники науки будут еще активнее содействовать техническому прогрессу, настойчивее и быстрее внедрять в народное хозяйство результаты своих исследований.

Труд и мысль ученых сосредоточиваются на наиболее важных проблемах развития производительных сил страны, на создании новейшего технического оснащения промышленности и сельского хозяйства.

В минувшем году Академия значительно пополнилась. 199 новых академиков и членов-корреспондентов включаются в работу нашего коллектива. Академия в ее обновленном, увеличенном в полтора раза составе еще успешнее будет участвовать в осуществлении намеченной партией и правительством программы всемерного и быстрого крутого подъема благосостояния советского народа.

Больше всего пополнилось Отделение физико-математических наук. Оно и понятно. Физика со всеми ее разветвлениями — ведущая отрасль знаний, решительным образом определяющая технику сегодняшнего и завтрашнего дня. Особое место занимает ядерная физика, открывающая необозримые пути развития современного естествознания и техники. Используя новую мощную аппаратуру, наши физики продвинулись далеко вперед, изучая глубочайшие недра атома и ядерной реакции, как естественные, так и искусственно вызванные. Использование радиоактивных элементов не только открывает пути создания новой технологии производства наиболее совершенных машин, аппаратов, приборов, необходимых человечеству для технического прогресса и проникновения в самые сокровенные тайны природы, но ведет к еще большему развитию всего комплекса естественных наук.

Велико пополнение и коллектива академиков, членов-корреспондентов, работающих в области технических наук. В наступающем году ученые будут глубоко разрабатывать проблемы конструирования новых совершенных приборов и машин, автоматических устройств, счетных агрегатов, будут решать вопросы радиотехники, электроники, телемеханики.

Проблемы гидроэнергетики и комплексного использования разных видов горючего, в том числе громадных ресурсов топлива, сланцев, использования и широкого применения новых двигателей, таких, как газовые турбины, проблема передачи энергии на дальние расстояния — все это встает перед нашими учеными с новой силой.

Советские химики заняты изысканием новых видов эффективных удобрений. Они должны дать сельскому хозяйству еще более мощные средства борьбы с вредителями и болезнями растений и животных, создать гербисиды, которые в весьма малых концентрациях уничтожают сорняки. Это дает перспективу замены ручной прополки опыливанием и обрызгиванием посевов с самолетов. Химия имеет большое значение и для технологии переработки растительного сырья. Она призвана оказать значительное влияние на быстрое развитие нашей легкой промышленности.

Индустрия и сельское хозяйство ставят перед химией все новые задачи. Надо создать пластические массы, успешно заменяющие металлы в машиностроении, синтетическое волокно и искусственную кожу, по качеству и дешевизне соперничающие с натуральными, а затем и превосходящие их, найти новые пути производства синтетического каучука из непищевого сырья, получать из нефти и газов полупродукты для всех этих целей, нужно дать топливо для новых типов моторов. Таковы основные направления в развитии органической химии, химии высокомолекулярных соединений, химии нефти.

Не менее важно открыть новые химико-фармацевтические препараты, найти более яркие и устойчивые красители, люминофоры — светящиеся составы. Посредством люминофоров, преобразующих в безвредный свет ультрафиолетовые лучи, разрушительно действующие на ткани, бумагу, краски, лаки, изделия из пластмассы, оказывается возможным во много раз увеличить срок службы некоторых таких материалов.

Успех в решении всех этих проблем зависит от дружного совместного труда химиков-синтетиков с физиками и физико-химиками. Надо усиленно развивать наши знания, которые помогут исследовать связь строения молекул с химическими, физическими, механическими свойствами веществ и материалов, ими образуемых. Советские ученые обязаны активнее овладевать управлением химическими процессами, для этого надо глубже изучать те общие законы, по которым они протекают.

Неорганической химии выпала задача получить и использовать соединения всех элементов периодической системы, в том числе рассеянных и редких. В земной коре содержится, например, рассеянного элемента титана не меньше, чем углерода. Однако до сих пор титан неоправданно мало применялся. Между тем это металл ближайшего будущего: он выдерживает высокие температуры, по прочности равен стали и легче ее по весу. Еще совсем недавно ученым только несколькими граммами удавалось получать такой редкий элемент, как германий, предсказанный еще Д. И. Менделеевым. Ныне германий стал важнейшим материалом новой электронной техники.

Пятый пятилетний план развития СССР намечает расширить работы по разведке природных богатств нашей страны, по выявлению запасов полезных ископаемых: цветных и редких металлов, коксующихся углей, алюминиевого сырья, богатых железных руд и нефти. Геологи, географы, гидрологи, энергетики, экономисты разрабатывают научные основы рационального размещения производительных сил, изучают закономерности распространения полезных ископаемых в земной коре, создают наиболее рентабельные методы освоения природных ресурсов социалистической Родины.

В наступающем году Совет по изучению производительных сил совместно с Институтом экономики Академии будет разрабатывать вопросы комплексного развития сельского хозяйства нечерноземной полосы СССР. Большое внимание уделяется проблемам кормов, овощеводству и картофелеводству в районах, прилегающих к Москве, Ленинграду и другим крупным промышленным центрам.

Решения партии и правительства о крутом подъеме благосостояния советского народа ставят перед советскими учеными, в частности, перед биологами, новые важные задачи. Наука обязана в кратчайшие сроки обеспечить количественный и качественный рост урожайности полей, лугов и пастбищ, увеличение продуктивности животноводства и рыбных запасов. Надо установить биологические и физиологические закономерности жизненных процессов, происходящих в растительном и животном организме: направленное изменение этих процессов имеет первостепенное значение для решения этих проблем. Требуется подробно и точно изучить физиологию почвенного питания растений и разработать на этой основе технологию получения и применения разнообразных удобрений.

Следует продолжить исследования, связанные с обменом веществ растений. Эти исследования благодаря меченым атомам уже дали интересные результаты. Ученые открыли, что растения обладают способностью своими корнями жадно поглощать углекислоту и углекислые соли и быстро передвигать их к листьям. Они выяснили, как наиболее целесообразно вносить минеральные удобрения в почву. Было также открыто, что минеральные удобрения усваиваются и через листву. В области животноводства обнаружены причины некоторых заболеваний животных и пути устранения их подкормкой, содержащей кобальт, медь.

Расширяется круг работ институтов Отделения биологических наук: вопросы почвоведения, развития животноводства и рыбоводства, увеличения кормовых ресурсов, повышения урожайности и улучшения методов хранения картофеля, овощей, цитрусовых, яблок, более быстрого созревания помидоров и хлопчатника — все это актуальнейшие для сельского хозяйства проблемы.

В области общественных наук, занимающих самые передовые в мире позиции, задача состоит в том, чтобы на базе критики и свободного обмена мнений поднять на более высокий уровень развитие теории. В трудах по истории, экономике, философии и другим дисциплинам советские ученые во всей полноте должны показать решающее значение народных масс в общественной жизни, авангардную роль рабочего класса и его передового отряда — Коммунистической партии — руководящей и направляющей силы советского общества.

Большое внимание в плане научно-исследовательских работ Академии уделено капитальным трудам, которые обобщают достижения и намечают пути развития советской науки. В 1954 году будут закончены три первых тома «Всемирной истории», охватывающих историю человечества от первобытного общества до XV века нашей эры.

Институт экономики подготовит монографии: «Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства и планирования», «Социалистическая и капиталистическая система хозяйства», «Англо-американские противоречия на современном этапе общего кризиса капитализма».

В своем выступлении на сессии Всемирного Совета Мира я говорил о том, что наука достигла такого состояния, когда реальна посылка стратоплана на луну, создание искусственного спутника земли, когда найдены эффективные средства для излечения наиболее страшных болезней, когда проблемы энергетики получили совершенно новый горизонт.

Я просил собрание представить себе, к сожалению, пока лишь воображаемую картину: на всем земном шаре нет больше минус-науки, работающей на уничтожение. Ученые всего мира согласованно и планомерно направляют свои усилия на решение наиболее крупных и острых вопросов науки и практики, в быстром темпе решают задачи уничтожения болезней, покорения пустынь и неиспользованных пространств Севера. Новые мощные источники энергии служат человеку. Далеко идущая автоматизация освобождает его от тяжелого и утомительного труда. Исчезает подземный труд. Заводы-автоматы дают продукцию без затраты человеческой работы. Рационально поставленное земледелие и химия в изобилии снабжают жителей земли необходимыми продуктами.

Что это, страница фантастического романа? Да, если говорить о земном шаре в целом. Но это как раз то, над чем усиленно работает советская наука. Это основные черты плана работы Академии наук СССР и двенадцати академий наук союзных республик.

Раздумье

Николай ГРИБАЧЕВ

ОСЕННИЕ СТИХИ

Все думается мне, что где-то
За тем холмом, за тем леском
Еще и нынче бродит лето
С его отеческим теплом,

Что росы, а не первый иней
В полях слоятся при луне...
Пусть этой веры нет наивней,
Но от нее теплее мне;

Но с ней под сонный шелест вьюги,
Что ходит в шубе снеговой,
Нежнее думаешь о друге,
Сердечней — о любви чужой.

Она легла, как мостик малый,
Сквозь вьюгу зимнюю и мглу —
К листве, к грозе весенней, шалой,
К другому летнему теплу!

НОВАЯ ТРАВА

Сбежал, сгорел снежок последний,
Затих, замолк в оврагах звон.
Как шубою, травой осенней
Укутан каждый холм и склон.

Все, все свое она свершила:
Взошла, густа и зелена,
Цветами жизнь повеселила,
Земле вернула семена.

И, может быть, под зимней стужей,
Когда вползал на сердце лед,
Другой травы ей снился дружный,
А все ей не обидный всход.

Теперь над ней, чей запах прелый
Лишь в полдень слышится едва,
Свои протискивает стрелы
Другая, новая трава.

Защищена листвой лежалой,
Чтоб сок под ветром не остыл,
Еще она робка, пожалуй,
Еще своих не знает сил.

И все-таки верна примета,
Что, как в начале ни робей,
Все радости, все росы лета
Переданы в наследство ей.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ГРОЗЫ

Июльской грозы приближенье,
Вздувая листвы паруса,
Все травы приводит в движенье,
Все в трепет вгоняет леса.

Смолкает испуганно птица,
Над кручами вихорь снует,
И даль духотою томится,
Туманится, слушает, ждет...

Так перед любовью твоею
Я в той же тревоге стою —
Как травы под ветром, темнею,
Как лес под грозою, пою!

УХОДИТ ДЕНЬ

Закат сгорел... Еще один уходит
Из жизни день, как друг, что мало жил.
Спроси себя: «По воле и охоте
Чем ты сегодня людям послужил!»

Умрешь и ты; когда ж цветы завянут
И пыль покроет ленты и цветы,
За то одно тебя добром помянут,
Что был меж нас, что жил меж нас и ты!

Нет, прежде чем сказать, чего ты стоил,
Мы всё сочтем, что ты по мере сил
Выращивал, задумывал и строил
И в нашу долю общую вносил.

Пусть будет труд твой хлебом или зданьем,
Машиной, песней или чем другим —
Мы ничего оспаривать не станем,
Твое подпишем именем твоим.

Но как ты будешь жалок и ничтожен,
Как будет вечер горек и тяжел,
Когда свой день ты для себя и прожил,
Хоть делал вид, что рядом с нами шел!

В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Мотоциклист холодной фарой,
Чтобы у звезд не быть в долгу,
То высветит осинник старый,
То куст, то пень, то стог в снегу.

Лихой, отчаянный тем боле,
Что путь горбат, разъезжен, худ,
Он тарахтит в лугах и в поле,
И вихри вслед ему бегут.

Кто он — посыльный из райкома
Иль припоздавший агроном,
Кому вся, как ладонь, знакома
Земля, забывшаяся сном!

Или какой-нибудь влюбленный,
Кому мечта — от стужи щит,
До шапки снегом побеленный,
К хорошей девушке спешит!

Не знаю... Мне какое дело!
А все, хоть мало толку в том,
Напряг я зренье до предела,
Слежу за дальним огоньком,

А все в груди теплеет что-то,
И мне сродни меж дел иных
Его любовь, его забота
И смелый путь в полях ночных.

ТИШИНА

За селом невдалеке
Ходит белая луна.
На селе и на реке
Устоялась тишина.

Лишь под кручей меловой
Говор слышится порой,
Просьба: «Тс! Не озоруй!»
Смех... и тихий поцелуй.

Стежкой с кручи шел рыбак,
Затаился у плетня.
Трубка старая в зубах
Остывает без огня.

Дочка балует в ночи!..
Нашуметь, поднять скандал!
Память шепчет: «Помолчи,
Сам когда-то целовал,

Сам ходил сюда гулять,
У реки встречал рассвет.
Что поделать, дочка в мать
И в тебя. И спросу нет.

Не мешайся в их дела,
Отвернись. Ступай. Иди»...
Слышен дальний стук весла,
Будто сердца стук в груди.

За селом невдалеке
Ходит белая луна.
На селе и на реке —
Тишина.

О РАЗЛУКЕ

Я знаю, в горький час разлуки,
Когда ни слов, ни слез из глаз,
Взаимно поданные руки
Со многим примиряют нас.

И все ж, когда уже за дверью
Последний шаг замолк давно,
Я все равно еще не верю,
Я не смиряюсь все равно,

И все душа какой-то частью
Уже других забот полна,
Теплом печали и участья
К твоей душе прикреплена.

ВЕСНА

Зимы последние следы —
Канавы, полные воды,
В ручьях источенные льдины,
Снежок в кюветах, что творог,
Да с глиною под цвет единый
Сырое сено вдоль дорог.

Еще ни жаворонка пенья,
Ни в роще первого цветка,
Еще и снег в недоуменье
На дождь меняют облака.

Но уж о том душа томится,
Весенним веря голосам,
Что время росами умыться
Заклекшим с осени лесам,

Что в борозде за трактористом
Пора горячим ветрам течь,
Мешая в рощах с птичьим свистом
Листвы младенческую речь...

Чтó в том не знающей покоя
Душе твоей, когда она
День прошлый видит за собою
И в новый день устремлена!

Чтó в том, когда свои в ней зимы,
Свой март, и свой июльский зной,
И свой простор необозримый,
И по удаче — праздник свой!

И все ж, когда приходят сроки,
Когда теплом дохнет с полей,
Как будто не в деревьях соки
Кипят, а в ней, в душе твоей.

И вновь ты любишь с прежней силой
И полон радостью одной
С твоей землей, родной и милой,
И с каждой жизнью молодой!

СТАРАЯ ЧЕРЕПАХА

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунки В. Высоцкого.

1

Вася втянул воздух, округлив ноздри, и его до самой глубины проняло крепким, душным запахом зверя. Он поднял глаза. Над дверью висела небольшая вывеска, на ней пожухлыми от южного солнца красками было выведено одно слово — «Зоомагазин». За пыльным стеклом витрины мальчик с трудом разглядел какие-то в сером налете тропические заросли и такого же серого деревянного тигра.

Как плохо знаем мы улицы, по которым ходим изо дня в день! Сколько раз ходил Вася на пляж этой самой улицей, знал там каждый дом, фонарь, каштан, витрину, каждую выщерблину тротуара и выбоину мостовой, и вдруг обнаружилось, что самого главного на этой улице он не приметил. Но думать об этом не стоит, скорее туда, в этот чудесный, таинственный полумрак!..

Мать с привычной покорностью последовала за сыном. Тесный, темный магазин был необитаем, но, словно покинутая берлога, хранил живой, теплый дух недавних обитателей. На прилавке лежала горка сухого рыбьего корма, под потолком висели пустые птичьи клетки, а посреди помещения стоял подсвеченный тусклой электрической лампочкой аквариум, устланный ракушками; длинные, извилистые водоросли, слегка подрагивая, обвивали осклизлый каменный грот. Все это подводное царство было отдано в безраздельное владение жалкому, похожему на кровеносный сосудик мотылю, который тихонько извивался, приклеившись к ребристой поверхности ракушки.

Вася долго стоял у аквариума, словно надеясь, что мертвое великолепие водяного царства вдруг оживет, затем понуро направился в темную глубь магазина. И тут раздался его ликующий вопль:

— Мама, смотри!

Мать сразу все поняла: такой же самозабвенный вскрик предшествовал появлению в доме аквариума с причудливыми рыбками, клеток с певчими птицами, коллекции бабочек, двухколесного велосипеда, ящика со столярным инструментами...

Она подошла к сыну. В углу магазина, на дне выстланного соломой ящика, шевелились две крошечные черепашки. Они были не больше васиного кулака, удивительно новенькие и чистенькие. Черепашки бесстрашно карабкались по стенкам ящика, оскальзывались, падали на дно и снова, проворно двигая светлыми лапками с твердыми коготками, лезли наверх.

— Мама! — проникновенно сказал Вася, он даже не добавил грубого слова «купи».

— Хватит нам возни с Машкой,— устало отозвалась мать.

— Мама, да ты посмотри, какие у них мордочки!..

Вася никогда ни в чем не знал отказа, ему все давалось по щучьему веленью. Это хорошо в сказке, но для Васи сказка слишком затянулась. Осенью он пойдет в школу. Каково придется ему, когда он откроет, что жизнь надо брать трудом и терпеньем? Мать отрицательно покачала головой.

— Нет, три черепахи в доме — это слишком!

Вася с неприязненным удивлением поглядел на мать. «Неужели она не понимает, что без этих костяных малышей не стоит дальше жить?»

— Хорошо,— сказал он с вызывающей покорностью.— Если так, давай отдадим Машку: она все равно очень старая.

— Ты же знаешь, это пустые разговоры.

Мальчик обиженно отвернулся от матери и тихо произнес:

— Тебе просто жалко денег...

«Конечно, он маленький и неповинен ни в дурном, ни в хорошем,— думала мать,— надо только объяснить ему, что он неправ». Но вместо спокойных, мудрых слов поучения живой толчок сердца подбросил ей совсем другие слова:

— Довольно! Сейчас же идем отсюда!

Для Васи это было странное утро. На пляже каждый камень представлялся ему маленькой золотистой черепашкой. Морские медузы и водоросли, касавшиеся его ног, когда он плавал у берега, также были черепашками, которые ластились к нему, Васе, и словно напрашивались на дружбу. В своей рассеянности мальчик даже не ощутил обычной радости купанья, равнодушно вышел из воды по первому зову матери и медленно побрел за ней следом. По дороге мать купила его любимый розовый виноград и протянула сыну тяжелую гроздь, но Вася оторвал одну только ягоду, и ту позабыл съесть. У него не было никаких желаний, никаких мыслей, кроме одной, неотвязной, как наваждение, и когда они пришли домой, Вася твердо знал, что ему делать.

2

Днем старая черепаха всегда хоронилась в укромных местах: под платяным шкафом, под диваном, уползала в темный, захламленный чулан. Сейчас Васе повезло: он сразу обнаружил Машку под своей кроватью.

— Машка! Машка! — позвал он ее, стоя на четвереньках, но темный, круглый булыжник долго не подавал никаких признаков жизни. Наконец в щели между щитками что-то зашевелилось, затем оттуда высунулся словно бы птичий клюв и вслед за ним вся голая, приплюснутая голова с подернутыми роговой пленкой глазами мертвой птицы. По сторонам булыжника отросли куцые лапы. И вот одна передняя лапа медленно, будто раздумывая, поднялась, слегка вывернулась и со слабым стуком опустилась на пол. За ней столь же медленно, раздумчиво и неуклюже заработала вторая, и минуты через три Машка выползла из-под кровати.

Вася положил на пол кусочек абрикоса, Машка вытянула далеко вперед морщинистую, жилистую шею, обнажив тонкие, также изморщиненные перепонки, какими она прикреплялась к своему панцырю, по-птичьи клюнула дольку абрикоса и разом сглотнула. От второй дольки, предложенной Васей, Машка отвернулась и поползла прочь. В редкие минуты, когда Машке приходила охота двигаться, ее вытаращенные глаза не замечали препятствий; сонным и упрямым шагом, мерно переваливаясь, шла она все вперед и вперед, стремясь в какую-то ей одной ведомую даль.

Не было на свете более ненужного существа, чем Машка, но и она на что-то годилась: на ней можно было сидеть и даже стоять. Вася потянулся к Машке и прижал ее рукой; под его ладонью она продолжала скрести пол своими раскоряченными лапами. Ее панцырь, состоящий из неровных квадратиков и ромбов, весь словно расшился от старости, на месте швов пролегли глубокие бороздки, и Вася почему-то раздумал на нее садиться. Он поднял Машку с пола и выглянул в окно. Мать лежала в гамаке, ее легкая голова даже не примяла подушки. Книга, которую она читала, выпала из ее опущенной вниз руки. Мать спала. Вася спрятал Машку под рубаху и быстро вышел на улицу.

3

Над поредевшим, полусонным от жары базаром высоко и печально звучал детский голос:

— Черепаха! Продается черепаха!..

Васе казалось, что он стоит так уже много, много часов; прямые, жестокие лучи солнца пекли его неприкрытую голову; пот стекал со лба и туманил зрение; каменно-тяжелая Машка больно оттягивала руки. Во всем теле ощущал он томительную, ломящую слабость, его так и тянуло присесть на пыльную землю.

— Черепаха! Продается черепаха!..

Вася произносил эти слова все глуше, он словно и боялся и хотел быть услышанным. Но люди, занятые своим делом, проходили мимо него, они не видели ничего необычного в том, что для Васи было едва ли не самым трудным испытанием за всю его маленькую жизнь. Если бы вновь очутиться в родном, покинутом мире, где ему так хорошо жилось под верной маминой защитой!

Но едва только Вася допускал себя до этой мысли, как родной дом сразу утрачивал для него всю прелесть, становился немилым и скучным: ведь тогда пришлось бы навсегда отказаться от веселых золотистых черепашек.

— Ого, черепаха! Вот ее-то мне и надо!

Вася так углубился в себя, что вздрогнул от неожиданности и чуть не выронил Машку из рук. Перед ним стоял рослый, плечистый человек, видимо, портовый грузчик, и с каким-то детским восхищением глядел на старую черепаху.

— Продаешь, малец?

— Да...

— Сколько просишь?

— Девять...— смущенно сказал Вася, припомнив цену, какую в зоомагазине просили за двух черепашек.

— Девять? А меньше не возьмешь?

— Я не могу меньше...— прошептал Вася; ему было очень стыдно.

— Ну, коли не можешь,— плачу! У меня, понимаешь, сынишка завтра домой, на Тамбовщину, уезжает, так охота ему что-нибудь эдакое подарить...

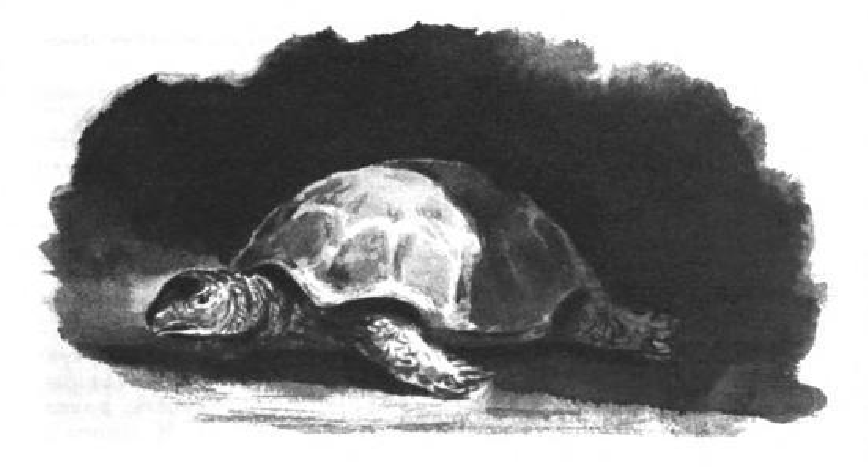
Грузчик порылся в карманах и достал две зеленые и одну желтую бумажку.

— Нет у меня с собой девяти, понимаешь,— сказал он озабоченно,— ровно семь.

Вася был в отчаянии, он не знал, чем помочь этому большому и, видимо, доброму человеку. «Никогда, никогда больше не буду я торговать!»

— Постой-ка, малец,— нашелся вдруг грузчик,— я тут близко живу, зайдем ко мне, я тебе вынесу деньги...

И вот они вместе зашагали с базара. Вася был очень счастлив: все так хорошо вышло; он был горд своим первым жизненным свершением, к тому же ему нравилось шагать сейчас рядом с этим сильным и мужественным человеком, как равный с равным. Справа, в прозоре улицы, открылось полуденное море, и на его сверкающем фоне Вася увидел, как железные руки

кранов трудятся над маленьким суденышком, стоящим у причала. Огромные мягкие тюки один за другим опускались с неба на палубу, и мальчику казалось странным, что суденышко не тонет под всем этим грузом. Он хотел было спросить своего спутника, в какие края отплывает этот пароход, но не успел.

— Вот и пришли, малец. Обожди тут, я мигом!

Вася стоял перед белым одноэтажным домиком, окруженным густо разросшимися кустами акации. Ему показалось странным, что такой большой человек живет в таком маленьком домике, но он тотчас же забыл об этом и стал внимательно вглядываться в окна, расположенные по фасаду. Ему очень хотелось увидеть мальчика, которому достанется Машка...

— Эх, жаль, сынишки нет дома,— сказал, появляясь, грузчик,— а то познакомились бы. Он у меня самостоятельный, такой вот, как ты, малец. На, принимай монету! Да ты посчитай, денежки счет любят!

— Нет, зачем же...— пробормотал Вася и протянул покупателю Машку.

Тот взял ее в свои большие ладони и приложил к уху, словно часы.

— А она не пустая внутри-то?

Машка, как назло, не показывалась из своего каменного жилища, и Васе даже стало обидно, что она так равнодушно с ним расстается. А грузчик, примостив черепаху против глаза, заглядывал в щель между щитками.

— Нет, вроде что-то там трудится. Ну, бывай здоров, малец, спасибо тебе!

— Вот что, ее зовут Машкой...— вдруг быстро и взволнованно заговорил Вася.— Она очень фрукты любит и молоко тоже пьет, это только считается, что черепахи не пьют молока, а она пьет, правда, пьет...

— Ишь ты,— усмехнулся грузчик,— простая тварь, а туда же!

Он сунул Машку в широкий карман своей куртки и пошел к дому. А Вася растерянно глядел ему вслед. Он хотел еще очень многое рассказать о Машке, о ее повадках, капризах и слабостях, о том, что она хорошая и добрая черепаха и что он, Вася, никогда не знал за ней ничего плохого. В носу у него странно пощипывало, но он нахмурил брови, задержал на миг дыхание, и пощипывание прекратилось. Тогда он крепко зажал в кулаке пропотевший комок денег и со всех ног бросился к зоомагазину.

4

Когда Вася принес домой двух маленьких черепашек и в радостном возбуждении поведал матери о всех своих приключениях, она почему-то огорчилась, но не знала, ни что сказать, ни как поступить в этом случае. А раз так, лучше обождать и подумать: ведь дети — такие сложные и трудные люди...

— Да-да,— только и сказала она задумчиво и печально,— милые зверушки.

Вася не заметил, как прошла вторая половина дня. Малыши были на редкость забавные, смелые и любознательные. Они оползали всю комнату, двигаясь кругами навстречу друг другу, и, столкнувшись, не сворачивали в сторону, а лезли друг на дружку, стукаясь панцырем о панцырь. Не в пример старой, угрюмой Машке, они не стремились забиться в какой-нибудь потайной угол, а если и хоронились порой, то это выглядело, как игра в прятки. И привередами они тоже не были: чем бы ни угощал их Вася — яблоками ли, картошкой, виноградом, молоком, котлетой, огурцом,— они все поглощали с охотой и, тараща бусинки глаз, казалось, просили еще и еще.

На ночь Вася уложил их в ящик с песком и поставил на виду, против изголовья своей кровати. Ложась спать, он сказал матери счастливым, усталым, полусонным голосом:

— Знаешь, мама, я так люблю этих черепашек!

— Выходит, старый-то друг не лучше новых двух...— заметила мать, накрывая сына одеялом.

Бывают слова, как будто простые и безобидные, которые, будучи сказаны ко времени, вновь и вновь возникают в памяти и не дают тебе жить. В конце концов, Машка даже и не друг ему, Васе, а просто старая, дряхлая черепаха, и ему вовсе не хочется думать о ней. И все-таки думается ему не о том, какой вот он молодец, что сумел раздобыть этих двух веселых малышей, с которыми так интересно будет завтра играть, а все о той же никудышной Машке...

Почему не сказал он тому человеку, что на ночь Машку надо прятать в темноту? А теперь, наверное, зеленый свет месяца бьет в ее голые, старые глаза. И еще не сказал он, что к зиме ей надо устроить пещерку из ватного одеяла, иначе она проснется от своей зимней спячки, как это случилось в первый год ее жизни у них, и тогда она может умереть, потому что в пору спячки черепахи не принимают пищи. Он даже не объяснил толком, чем следует кормить Машку, ведь она такая разборчивая...

Конечно, он может завтра же пойти и все сказать. Но захотят ли новые хозяева столько возиться со старой Машкой? Правда, тот человек, кажется, очень добрый, утешал себя Вася; наверное, и сынишка у него такой же добрый. Но успокоение не приходило. Тогда он натянул одеяло на голову, чтобы скорее уснуть, но перед ним вновь возникли голые, немигающие птичьи глаза Машки, в которых отражался беспощадный зеленый свет месяца...

Вася сбросил одеяло и сел на кровати. Он уже не испытывал ни жалости к Машке, ни раздражения против матери, отказавшейся держать в доме трех черепах. Все это вытеснилось каким-то непонятным, болезненным чувством недовольства собой, обиды на себя. Это чувство было таким большим и незнакомым, что оно не помещалось в Васе, ему нужно было дать выход, и Вася попытался заплакать. Но он был сухой внутри, словно это горькое, едкое чувство высушило в нем все слезы.

Впервые Васе перестало казаться, что он самый лучший мальчик в мире, достойный иметь самую лучшую маму, самые лучшие игрушки, самые лучшие удовольствия. «Но что я такое сделал? — спрашивал он себя с тоской.— Продал старую, совершенно ненужную мне черепаху». «Да, она тебе не нужна,— прозвучал ответ,— но ты ей нужен. Все, что есть хорошего на свете, было для тебя, а ты для кого был?» «Я кормлю птиц и рыб, я меняю им воду». «Да, пока тебе с ними весело, а не будет весело, ты сделаешь с ними то же, что и с Машкой». «А почему же нельзя так делать?»

Вася не мог найти ответа, но ответ был в его растревоженном сердце, впервые познавшем простую, но неведомую прежде истину: не только мир существует для тебя, но и ты для мира. И с этим новым чувством возникло в нем то новое, неотвратимое веление, название которого — долг — Вася узнает гораздо позднее. И это веление заставило Васю вскочить с кровати и быстро натянуть одежду.

Свет месяца лежал на полу двумя квадратами, перечеркнутыми каждый черным крестом. В тишине отчетливо тикали мамины крошечные ручные часики. «Разбудить маму?» «Нет,— сказало Васе его новое, мягкое, горячее сердце,— мама устала, и ей так трудно бывает уснуть. Ты сам должен все сделать...»

Вася нащупал ящик и достал черепашек, два гладких, тяжелых кругляша, как будто налитых ртутью. Но этого может оказаться мало, а он должен действовать наверняка. Сунув черепашек под рубашку, Вася отправил туда же коробку с новыми оловянными солдатиками, затем подумал, снял с гвоздя ружье и повесил его через плечо.

Выйдя из комнаты, мальчик тихонько притворил за собой дверь. Он и раньше подозревал, что ночью в мире творятся странные дела, и сейчас с каким-то замирающим торжеством сказал себе: «Так я и знал»,— увидев, что яблоневый садик подкрался почти к самому крыльцу, а флигелек, в котором жили хозяева, отвалился в черную, затемненную глубь двора.

По двору носились щенки старой Найны, и каждый катил перед собой черный клубок своей тени. Ласковые и приветливые днем, они не обратили ни малейшего внимания на Васю, занятые своим ночным делом. Только сама Найна, втянув ноздрями васин запах, глухо заворчала и звякнула цепью.

Трудным шагом приблизился Вася к деревьям, побеленным луной. Не было ни малейшего ветерка, но все листочки на деревьях шевелились, шорох и слабый скрип стояли над садом, будто деревья сговаривались о чем-то своем, ночном. И Васе вспомнилась его придумка, будто деревья по ночам ходят купаться в море. Он придумал это в полусерьез, удивленный тем, что за все его пребывание в здешнем краю ни разу не выпал дождь, а ведь деревья не могут жить без влаги. Но сейчас эта придумка неприятно охолодила ему спину.

Что-то пронеслось мимо его лица, задев щеку легким трепетанием крыл. Летучая мышь? Нет, летучая мышь распарывает тьму с такой быстротой, что ее скорее угадываешь, чем видишь. А сейчас он успел заметить за частым биением крыл толстенькое веретенообразное туловище.

«Мертвая голова!» — догадался Вася и тотчас же увидел ее: большая бабочка, сложив треугольные крылья, уселась на ствол яблоньки, освещенный, как днем. На ее широкой спинке отчетливо рисовался череп с черными пятнами глазниц и щелью рта. Неутомимый ночной летун был в его руках, отныне его коллекция пополнится новым, крупным экземпляром. Вася уже почувствовал, как забьется, щекоча ладонь, накрытая рукой гигантская бабочка, раскроется коричневый конвертик, обнаружив желтую шелковистую нежность воздушно-тонких нижних крылышек.

Но, полный какого-то нового, бережного отношения ко всему живому, Вася подавил в себе чувство охотника и лишь погладил мизинцем вощеную спинку бражника. Словно доверяя ему, бражник не сорвался в полет,

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Абулькасим **ЛАХУТИ**

МАЛЕНЬКИЕ КОВРОВЩИКИ ИРАНА

Ты, дивящийся краскам ковра расписного!
Слушай тех, кто склонен над утком и основой,
Шестилетних ткачей слушай скорбное слово:
«Чтоб ковром любовался ты снова и снова,
Слезы, горькие слезы мы льем что ни час,
И по-старчески сгорблены спины у нас.

Алый цвет разгляди — наша кровь там сочится,
В желтизне различи наши скорбные лица,
Синева — это наших страданий страница,
Отпечаток плетей, от которых не скрыться.
Ходит наглый чужак по коврам дорогим,
Нашу долю он топчет, шагая по ним.

«Синих пять! Желтых две! Черных ниток четыре!»
Нет напева иного для нас в этом мире.
Слепнем в яме, усталые ноги, как гири...
Путь из ямы — в могилу: та будет пошире.
Сытость, игры ребячьи, свет солнца, трава...
Непривычны нам, чужды нам эти слова».

Перевела с фарси Ц. Бану.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Дерутся ль цари, богачи ли воюют —
В накладе народ при исходе любом:
Народ победит — это прибыль имущим,
Разбит — остается все тем же рабом.

Эти пушки богатых, что горы громят,
Этих танков ряды, что не знают преград,
Для чего!.. Чтобы хлеб, заработанный потом,
Есть по праву не мог твой трудящийся брат!

Цех фабрики у богача я видел,
Котлы, бурлящие до края, видел
И что в бесчисленных котлах кипит
Рабочих кровь, душой страдая, видел.

Перевел С. Шервинский.

СКАЗКА О ТЕТУШКЕ СЕКИНЭ, О МУДРОМ СОСЕДЕ И ДЭВЕ-КОЛДУНЕ

У Секинэ ни гроша за душой,
Шесть малышей, в колыбели меньшой.
В хижине вечная гостья — нужда,
Тутовый хлеб, из арыка вода.
Хитростью вытянул Дэв у нее
Все достоянье. Худое житье!

Жил с нею рядом ученый мудрец,
Щедрый и ласковый, словно отец.
Видел он, как надрывалась вдова,
И помогал ей не раз и не два.

Раз постучался к ней ночью во двор
Дэв и затеял плохой разговор.
Стал клеветою чернить мудреца...
Хитрость находит дорогу в сердца!
«Гибель твою замышляет сосед,
Из-за него натерпелась ты бед.
Я бы наслал на него ураган, —
Жалко, помехою мне океан.
Место поближе бы надобно мне,
Вместе мы будем сильней, Секинэ».
Речью коварной оплел ее Дэв,
В сердце вонзились обида и гнев;
В хижину — все, чем владела она —
Дэва впустила, Война, так война!

С неба холодного хлынула тьма,
Мчатся к ученому град и чума
И отступают один за другим:
С этим ученым не справиться им.
Мудрость жилище его сберегла
От урагана и черного зла.
Но потеряла детей Секинэ,
Пять малышей, по своей же вине.

Смысл этой сказки читай между строк,
В ней легковерным полезный урок.
Вдумайся, каждый введенный в обман,
Зорче поглядывай за океан.
Если тебя подстрекают к войне,
Вспомни историю о Секинэ.

Перевела С. Мар.

На нашей вкладке

На вкладке этого номера воспроизведены цветы Главного ботанического сада Академии наук СССР.

Цветы у нас перестали быть предметом роскоши. Они украшают улицы городов, заводские дворы. Уже не редкость в колхозе свой цветовод. Цветы стали обычными в цехе, учреждении, клубе, квартире, они широко вошли в быт, стали необходимостью. Почти при каждой школе есть ботанический уголок и садик. Ежегодные выставки цветов привлекают тысячи посетителей. Одно лишь Добровольное общество содействия озеленению Москвы насчитывает более ста пятидесяти тысяч членов.

Цветам уделяется огромное внимание. Они вошли в планы трудов научно-исследовательских институтов. Ведется большая работа по выведению новых сортов декоративных растений, родилась целая армия мичуринцев — любителей цветоводства.

Значительное место из своих почти 300 гектаров Главный ботанический сад Академии наук СССР отводит под цветы. Немало великолепных растений, среди которых есть уникальные сорта, идет из этого сада и для украшения городов и для опытов любителей. На первых трех страницах показаны только самые распространенные, «массовые» цветы.

На последней странице напечатаны фотографии тепличных и оранжерейных цветов. Ботанический сад обладает громадной коллекцией орхидей, кактусов, пальм, редких тропических и субтропических растений — представителей растительности всего мира. Здесь же выращиваются растения, прекрасно цветущие в обычных жилых помещениях,— глоксинии, азалеи и другие.

а сонно пошевелил усиками и переполз чуть выше. На своем коротком пути он задел спящего на том же стволе жука. Жук приподнял спинные «роговицы», почесал одну о другую задние ножки и, не вступая в спор — места на всех хватит,— чуть подвинулся, да только неумело: толкнул свою соседку, какую-то длинную сухую козявку. И вот десятки мелких существ заворошились на стволе яблоньки, лениво опробовали свои летные, ползающие, бегающие и другие спасательные принадлежности и снова притихли.

Вася с улыбкой наблюдал их сонную кутерьму, он даже не подозревал, что их так много здесь, на этом тонком стволике. Хоронятся, таятся днем, сколько силенок тратят, чтобы уберечься от него, Васи, а сейчас — нате-ка! — разлеглись во всей своей беззащитности.

Вася вышел на улицу спокойным и уверенным шагом сильного и доброго человека, но он еще далеко не стал хозяином ночи. Луна высоко стояла в небе. Залитая ее светом, холодно и странно светилась бледная ширь улицы. А на дальнем ее конце вздымалась глухая, черная стена, рассеченная серебряной щелью. «Море!» — вспыхнула догадка. Днем плоское, как вода в блюдце, море стало сейчас на дыбы, грозно нависло над городом. Как будто ледяной палец пересчитал косточки васиного позвоночника. Вася оглянулся на калитку. Какой же уютной и покойной показалась ему сейчас кроткая ночь сада!

«Не смей!» — сказал он себе и заставил себя думать о том, куда и зачем он идет, и

думал до тех пор, пока тело его стало послушно не страху, а этой большой и важной мысли.

Возможно, что мать сквозь сон уловила какой-то непривычный шум или почувствовала тревожную пустоту комнаты, в которой больше не было ее сына. Она встала, натянула платье, нащупала босой ногой туфли и подошла к васиной постели. Одеяло лежало комком, простыня хранила маленькую вдавлину — след его тела. Мать заглянула в черепаший ящик — черепашек не было, и она сразу все поняла. Набросив на плечи плащ, она вышла из дому и быстро зашагала туда, где, по рассказу Васи, находился белый домик с палисадником. Вскоре она увидала впереди фигурку сына.

Вася шел посредине улицы, обсаженной густыми темными каштанами. Он казался таким крошечным на пустынной мостовой, под высокими деревьями, что у нее сжалось сердце, и, чтобы побороть это ненужное сейчас чувство, она стала смотреть на его длинную, будто бы взрослую тень, тень солдата с ружьем за спиной. Она шла и думала о том, как непросто вырастить человека. Для этого надо глубоко и трудно жить, и какое счастье, если у ее мальчика будет сильное и верное сердце! Мать не окликнула Васю, следя за ним издали, чтобы не помешать первому доброму подвигу своего сына...

Штамбовые розы в розарии Главного ботанического сада Академии наук СССР.

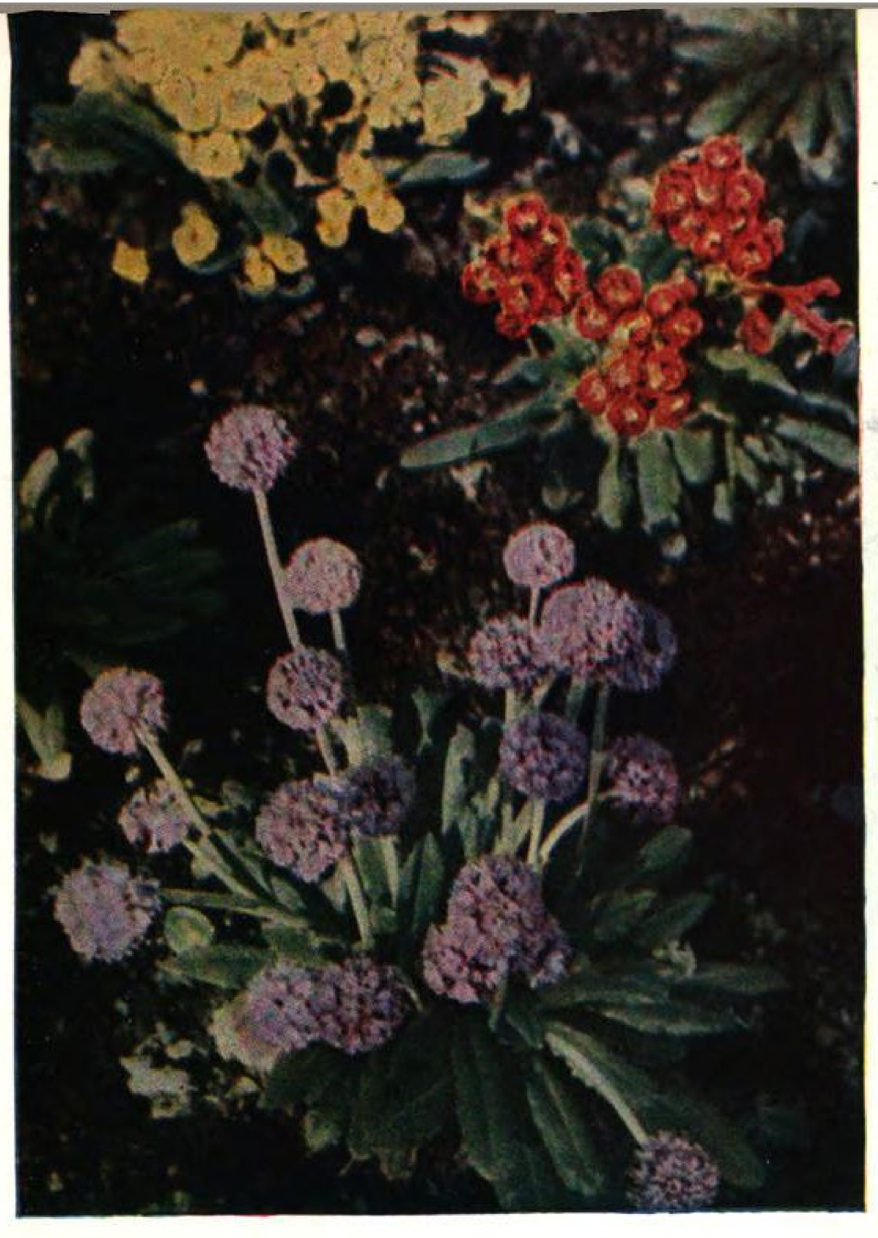
Фото Галины Санько и Ф. Тимофеева.

Обильно цветут гортензии.

Большая научная работа проводится в Ботаническом саду с тюльпанами.

У опушки леса растут нарциссы.

Ботанический сад имеет богатую коллекцию различных сортов примул.

В конце весны расцветают пышные пионы (фото справа вверху).

Летом благоухают белые лилии.

Гладиолусы.

Азалеи в оранжерее Ботанического сада.

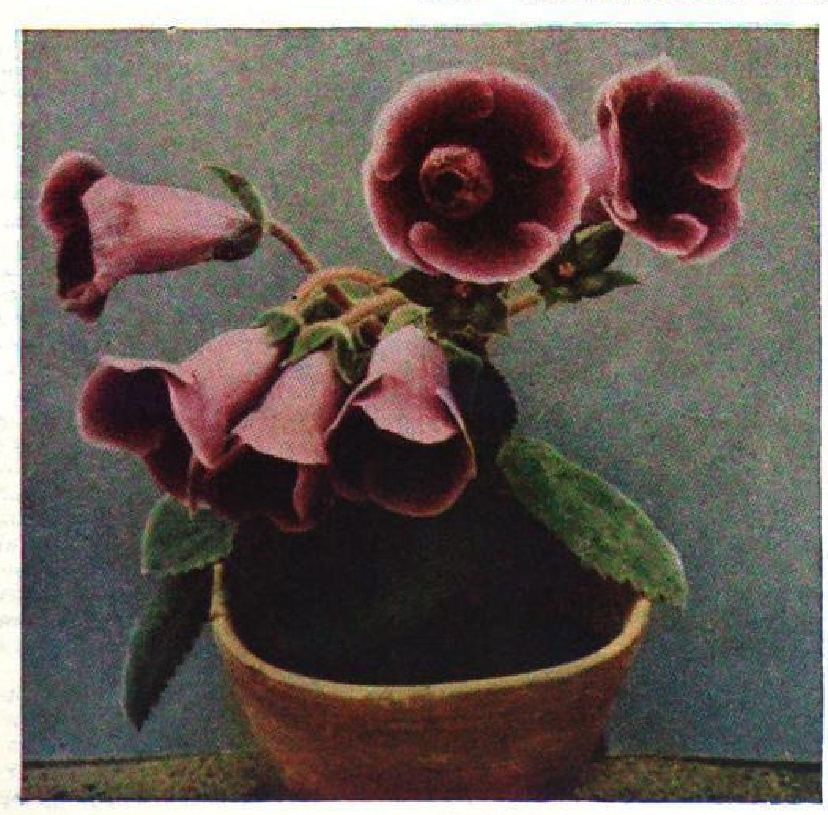
Справа вверху — цветущие филлокактусы. Под ними — фотографии цветущих орхидей.

Глоксиния.

КОРЗИНА С ЕЛОВЫМИ ШИШКАМИ

Рассказ

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Рисунки О. Верейского.

Композитор Эдвард Григ проводил осень в лесах вблизи Бергена.

Все леса хороши с их грибным воздухом и шелестом листьев. Но особенно хороши горные леса около моря. В них слышен шум прибоя. С моря постоянно наносит туман, и от обилия влаги буйно разрастается мох. Он свешивается с веток зелеными прядями до самой земли. Кроме того в горных лесах живет, как птица-пересмешник, веселое эхо. Оно только и ждет, чтобы подхватить любой звук и швырять его через скалы.

Однажды Григ встретил в лесу маленькую девочку с двумя косичками — дочь лесника. Она собирала в корзину еловые шишки.

Стояла осень. Если бы можно было взять все золото и медь, какие есть на земле, и выковать из них тысячи тоненьких листьев, то они составили бы ничтожную часть того осеннего лесного наряда, что лежал на горах. К тому же кованые листья показались бы грубыми в сравнении с настоящими, особенно с листьями осины. Всем известно, что осиновые листья дрожат даже от птичьего свиста.

— Как тебя зовут, девочка? — спросил Григ.

— Дагни Педерсен,— вполголоса ответила девочка.

Она ответила вполголоса не от испуга, а от смущения. Испугаться она не могла, потому что глаза у Грига смеялись.

— Вот беда! — сказал Григ.— Мне нечего тебе подарить... Я не ношу в кармане ни кукол, ни лент, ни бархатных зайцев.

— У меня есть старая мамина кукла,— ответила девочка.— Когда-то она закрывала глаза. Вот так!

Девочка медленно закрыла глаза. Когда она вновь их открыла, то Григ заметил, что глаза у нее зеленоватые и в них поблескивает огоньками золотая листва.

— А теперь она спит с открытыми глазами,— печально добавила Дагни.— У старых людей плохой сон... Дедушка тоже всю ночь кряхтит.

— Слушай, Дагни,— сказал Григ,— я придумал! Я подарю тебе одну интересную вещь. Но только не сейчас, а лет через десять...

Дагни даже всплеснула руками:

— Ой, как долго!

— Понимаешь, мне нужно ее еще сделать.

— А что это такое?

— Узнаешь потом.

— Разве за всю свою жизнь,— строго спросила Дагни,— вы можете сделать всего пять или шесть игрушек?

Григ смутился.

— Да нет, это не так...— неуверенно возразил он.— Я сделаю ее, может быть, за несколько дней. Но такие вещи не дарят маленьким детям. Я делаю подарки для взрослых.

— Я не разобью! — умоляюще сказала Дагни и потянула Грига за рукав.— И не сломаю! Вот увидите! У дедушки есть игрушечная лодка из стекла. Я стираю с нее пыль и ни разу не отколола даже самого маленького кусочка.

«Она совсем меня запутала, эта Дагни!» — подумал с досадой Григ и сказал то, что всегда говорят взрослые, когда попадают в неловкое положение перед детьми:

— Ты еще маленькая и многого не понимаешь. Учись терпению. А теперь давай твою корзину. Ты едва ее тащишь. Я провожу тебя, и мы поговорим о чем-нибудь другом.

Дагни вздохнула и протянула Григу корзину. Она действительно была тяжелая. В еловых шишках много смолы, и потому они весят гораздо больше сосновых.

Когда среди деревьев показался дом лесника, Григ сказал:

— Ну, теперь ты добежишь сама, Дагни Педерсен. В Норвегии много девочек с таким же именем и фамилией, как у тебя. Как зовут твоего отца?

— Хагеруп,— ответила Дагни и, наморщив лоб, спросила:

— Разве вы не зайдете к нам? У нас есть вышитая скатерть, рыжий кот и стеклянная лодка. Дедушка позволит вам взять ее в руки.

— Спасибо! Сейчас мне некогда... Прощай, Дагни!

Григ пригладил волосы девочки и пошел в сторону моря. Дагни, насупившись, смотрела ему вслед. Корзину она держала боком. Из нее вываливались шишки.

«Я напишу для нее музыку,— решил Григ.— На заглавном листе я прикажу напечатать: «Дагни Педерсен — дочери лесника Хагерупа Педерсена,— когда ей исполнится восемнадцать лет».

В Бергене все было по-старому.

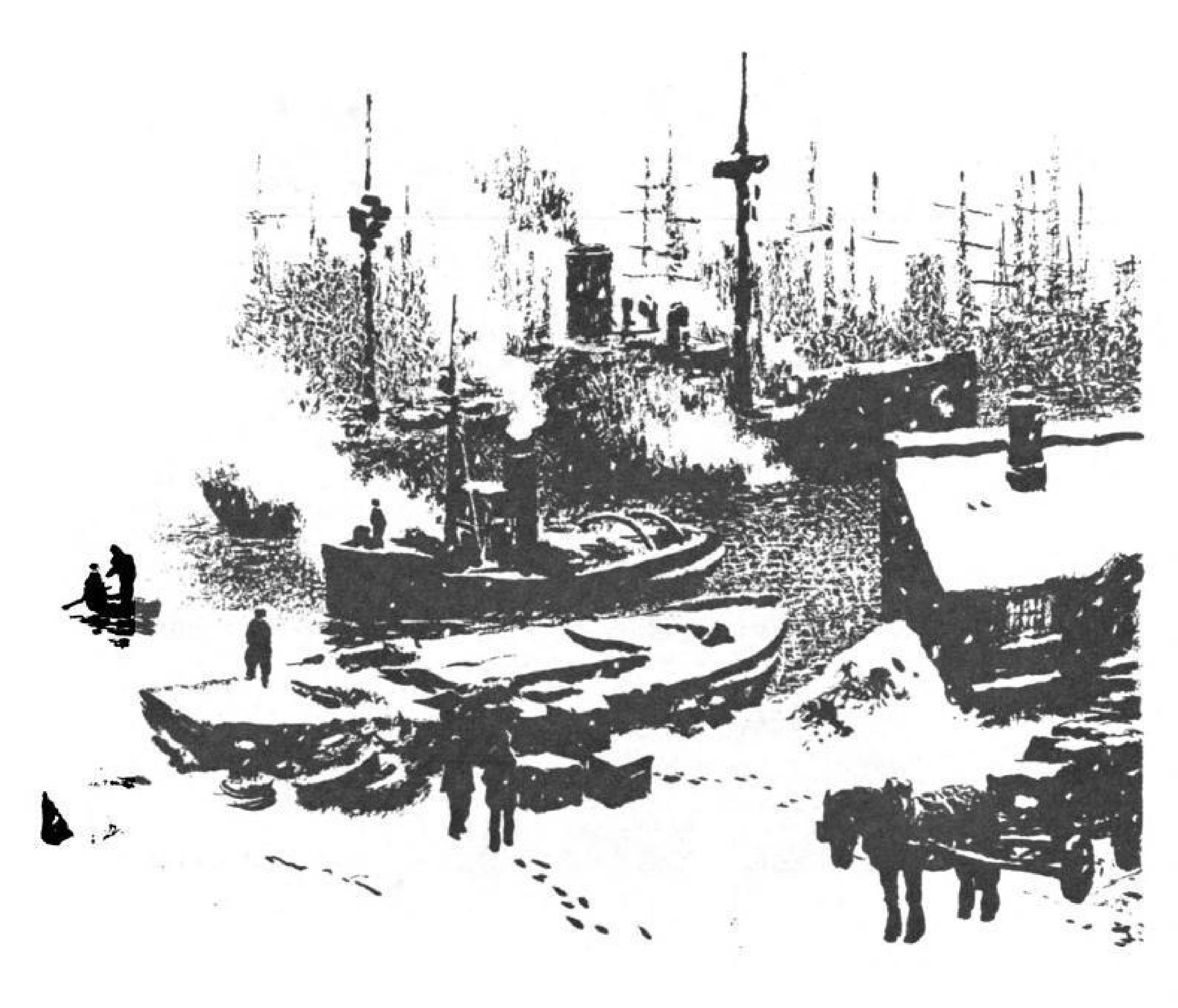
Все, что могло приглушить звуки — ковры, портьеры и мягкую мебель,— Григ давно убрал из своего пригородного дома. Остался только старый диван. На нем могло разместиться до десяти гостей, и Григ не решался его выбросить.

Друзья говорили, что дом композитора похож на жилище дровосека. Его украшал только рояль.

Если человек был наделен воображением, то он мог услышать среди этих стен волшебные вещи — от рокота северного океана, что катил волны из мглы, и ветра, насвистывавшего над ними свою дикую сагу, до песни девочки, баюкающей тряпичную куклу.

Ведь правда, только в нашем воображении никогда не выцветают краски, не кончается лето и не умирает любовь. Только в воображении непрерывно веет ветер из цветущей страны и весь день сверкает в небе нежный серп месяца. Только в воображении можно смеяться вместе с Пушкиным, пожать сухощавую руку Диккенса и найти в замерзшем ручье голубые цветы Офелии. Воображение сопутствует жизни, как переливающийся блеск — быстрой воде родника.

Рояль у Грига мог петь о любви так же свободно, как о порыве человеческого духа к великому. Белые и черные клавиши, убегая из-под крепких пальцев Грига, тосковали, смеялись, гремели бурей и гневом и вдруг сразу смолкали.

шпаги, веера и серебряные туфельки, потертые на сгибе.

Все это приходилось подшивать, чинить, чистить и гладить.

На стенах висели картинки, вырезанные из книг и журналов: кавалеры времен Людовика XIV, красавицы в кринолинах, рыцари, русские женщины в сарафанах, матросы и викинги с дубовыми венками на головах.

В комнату надо было подыматься по крутой лестнице. Там всегда пахло краской и лаком от позолоты.

Дагни часто ходила в театр. Это было увлекательное занятие. Но после спектаклей Дагни долго не засыпала и даже плакала иногда у себя в постели.

Напуганная этим, тетушка Магда успокаивала Дагни. Она говорила, что нельзя слепо верить тому, что происходит на сцене. Но дядюшка Нильс обозвал Магду за это «наседкой» и сказал, что, наоборот, в театре надо верить всему: иначе людям не нужны были бы никакие театры. И Дагни верила.

Но все же тетушка Магда настояла, чтобы пойти для разнообразия в концерт.

Нильс против этого не спорил.

— Музыка,— сказал он,— это зеркало гения!

Нильс любил выражаться возвышенно и туманно. О Дагни он говорил, что она похожа на первый аккорд увертюры. А у Магды, по его словам, была колдовская власть над людьми. Выражалась она в том, что Магда шила театральные костюмы. А кто же не знает, что человек каждый раз, когда надевает новый костюм, совершенно меняется? Вот так оно и выходит, что один и тот же актер вчера был гнусным убийцей, сегодня стал пылким любовником, завтра будет королевским шутом, а послезавтра — народным героем.

— Дагни! — кричала в таких случаях тетушка Магда.— Заткни уши и не слушай эту ужасную болтовню! Он сам не понимает, что говорит, этот чердачный философ!

Был теплый июнь. Стояли белые ночи. Концерты проходили в городском парке под открытым небом.

Дагни пошла на концерт вместе с Магдой и Нильсом. Она хотела надеть свое единственное белое платье, но Нильс сказал, что красивая девушка должна быть одета так, чтобы выделяться из окружающей обстановки. В общем длинная его речь по этому поводу сводилась к тому, что в белые ночи надо быть обязательно в черном и, наоборот, в темные — сверкать белизной светлого шелка.

Переспорить Нильса было невозможно, и Дагни надела черное платье из шелковистого мягкого бархата. Платье это Магда принесла из костюмерной.

Когда Дагни надела это платье, Магда согласилась, что Нильс, пожалуй, прав: ничто так не оттеняло строгую бледность лица Дагни и ее длинные, с отблеском старого золота косы, как этот таинственный бархат.

— Посмотри, Магда,— сказал вполголоса дядюшка Нильс,— Дагни так хороша, будто идет на первое свидание.

— Вот именно! — ответила Магда.— Что-то я не видела около себя безумного красавца, когда ты пришел на первое свидание со мной! Ты у меня просто болтун!

И Магда поцеловала дядюшку Нильса в голову.

Концерт начался после обычного вечернего выстрела из старой пушки в порту. Выстрел означал заход солнца.

Несмотря на вечер, ни дирижер, ни оркестранты не включили лампочек над пультами. Вечер был настолько светлый, что фонари, сверкавшие в листве лип, были зажжены, очевидно, только для того, чтобы придать нарядность концерту.

Дагни впервые слышала симфоническую музыку. Она произвела на нее странное действие. Все переливы и громы оркестра вызывали у Дагни множество картин, похожих на сны.

Потом она вздрогнула и подняла глаза. Ей почудилось, что худой мужчина во фраке, объявлявший программу концерта, назвал ее имя.

— Это ты меня звал, Нильс? — спросила Дагни дядюшку Нильса, взглянула на него и нахмурилась.

Тогда в тишине еще долго звучала только одна маленькая струна, будто плакала Золушка, обойденная счастливыми сестрами.

Григ, откинувшись, слушал, пока этот последний звук не затихал на кухне, где с давних пор поселился сверчок.

Становилось слышно, как, отсчитывая секунды с точностью метронома, капает из крана вода. Капли твердили, что время не ждет и надо бы поторопиться, чтобы сделать все, что задумано.

Григ писал музыку для Дагни Педерсен больше месяца.

Началась зима. Туман закутал город по горло. Заржавленные пароходы приходили из разных стран и дремали у деревянных пристаней, тихонько посапывая паром.

Вскоре пошел снег. Григ видел из своего окна, как он косо летел, цепляясь за верхушки деревьев.

Невозможно, конечно, передать музыку словами, как бы ни был богат наш язык.

Григ писал о глубочайшей прелести девичества и счастья.

Он писал и видел, как навстречу ему бежит, задыхаясь от радости, девушка с зелеными сияющими глазами. Она обнимает его за шею и прижимается горячей щекой к его седой небритой щеке. «Спасибо!» — говорит она, сама еще не зная, за что благодарит его.

«Ты — как солнце! — говорит ей Григ. — Как теплый ветер и свежее утро! У тебя на сердце расцвел белый цветок и наполнил все твое существо благоуханием весны... Я видел жизнь! Что бы тебе ни говорили о ней, верь всегда, что она должна быть удивительна и прекрасна! Я старик, но я отдал молодежи жизнь, работу, талант... Отдал все без возврата! Поэтому я, может быть, даже счастливее тебя, Дагни.

Ты — белая ночь с ее загадочным светом. Ты — счастье. Ты — блеск зари. От твоего голоса вздрагивает сердце.

Да будет благословенно все, что окружает тебя, что прикасается к тебе и к чему прикасаешься ты, что радует тебя и заставляет задуматься!»

Григ думал так и играл обо всем, что думал. Он подозревал, что его подслушивают. Он даже знал, кто этим занимается. Это были синицы на деревьях, загулявшие матросы из порта, прачка из соседнего дома, сверчок, снег, слетавший с нависшего неба, и Золушка в заштопанном платье.

Каждый слушал по-своему. Синицы волновались. Как они ни вертелись, их трескотня не могла заглушить рояля. Загулявшие матросы рассаживались на ступеньках дома и слушали, всхлипывая. Прачка разгибала спину, вытирала мокрой ладонью покрасневшие глаза и покачивала головой. Сверчок вылезал из трещины в кафельной печке и подглядывал в щелку за Григом. Падавший снег останавливался и повисал в воздухе, чтобы послушать звон, лившийся золотыми ручьями из дома. А Золушка смотрела, улыбаясь, на пол. Около ее босых ног стояли хрустальные туфельки. Они вздрагивали, сталкиваясь друг с другом, в ответ на аккорды, долетавшие из комнаты Грига.

Этих слушателей Григ ценил больше, чем нарядных и вежливых посетителей концертов.

В восемнадцать лет Дагни окончила школу.

По этому случаю отец отправил ее в Христианию погостить к своей сестре Магде. Пускай девочка (отец считал ее еще девочкой, хотя Дагни была уже стройной девушкой с тяжелыми русыми косами) посмотрит, как устроен свет, как живут люди, и немного повеселится.

Кто знает, что ждет Дагни в будущем? Может быть, честный и любящий, но скуповатый и скучный муж? Или работа продавщицей в деревенской лавке? Или служба в одной из многочисленных пароходных контор в Бергене?

Магда работала театральной портнихой. Муж ее Нильс служил в том же театре парикмахером.

Жили они в комнатушке под крышей театра. Оттуда был виден пестрый от морских флагов залив и памятник Ибсену.

Пароходы весь день покрикивали в открытые окна. Дядюшка Нильс так изучил их голоса, что, по его словам, безошибочно знал, кто гудит: «Нордерней» из Копенгагена, «Шотландский певец» из Глазго или «Жанна д'Арк» из Бордо.

В комнате у тетушки Магды было множество театральных вещей: парча, шелк, тюль, ленты, кружева, старинные фетровые шляпы с черными страусовыми перьями, цыганские шали, седые парики, ботфорты с медными шпорами,

Дядюшка Нильс смотрел на Дагни не то с ужасом, не то с восхищением. И так же смотрела на Дагни, прижав платок ко рту, тетушка Магда.

— Что случилось? — спросила Дагни.

Магда схватила ее за руку и прошептала:

— Слушай!

Тогда Дагни услышала, как человек во фраке сказал:

— Слушатели из последних рядов просят меня повторить. Итак, сейчас будет исполнена знаменитая музыкальная пьеса Эдварда Грига, посвященная дочери лесника Хагерупа Педерсена Дагни Педерсен по случаю того, что ей исполнилось восемнадцать лет.

Дагни вздохнула так глубоко, что у нее заболела грудь. Она хотела сдержать этим вздохом подступавшие к горлу слезы, но это не помогло. Дагни нагнулась и крепко закрыла лицо ладонями.

Сначала она ничего не слышала. Внутри у нее шумела буря. Потом она наконец услышала, как поет ранним утром пастуший рожок и в ответ ему сотнями голосов, чуть вздрогнув, откликается, как эхо, струнный оркестр.

Мелодия росла, подымалась, бушевала, как ветер, неслась по вершинам деревьев, срывала листья, качала траву, била в лицо прохладными брызгами. Дагни почувствовала порыв ветра, исходивший от музыки, и заставила себя успокоиться.

Да! Это был ее лес, ее горы, песни рожков, шум ее моря!

Стеклянные корабли пенили воду. Ветер пел в их снастях. Этот звук незаметно переходил в звон ландышей, в свист птиц, кувыркавшихся в воздухе, в ауканье детей, в песню о девушке, которой любимый бросил в окно горсть песку. Дагни слышала эту песню у себя в горах.

Так, значит, это был он! Тот седой высокий человек, что помог ей донести до дому корзину с еловыми шишками,— это был Эдвард Григ, волшебник и великий музыкант! И его она укоряла за то, что он не умеет быстро работать!

Так вот тот подарок, что он обещал ей сделать через десять лет!

Дагни уже плакала, не скрываясь, слезами благодарности. К тому времени музыка заполнила все пространство между землей и облаками, повисшими над городом. От мелодических волн на облаках появилась легкая рябь. Сквозь нее светили звезды.

Музыка уже не пела. Она звала. Звала за собой в ту страну, где никакие горести не могли охладить любви, где никто не отнимает друг у друга счастья, где солнце горит, как золотая корона в волосах сказочной доброй волшебницы.

В наплыве звуков вдруг возник знакомый голос. «Ты — счастье! — говорил он Дагни.— Ты — блеск зари!»

Музыка стихла. Сначала медленно, потом, все разрастаясь, загремели аплодисменты.

Дагни встала и быстро пошла к выходу из парка. Все оглядывались на нее. Может быть, некоторым из слушателей пришла в голову мысль, что эта девушка и была той Дагни Педерсен, которой Григ посвятил свою бессмертную вещь.

«Он умер! — думала Дагни.— Зачем? Если бы можно было увидеть его! Если бы он появился здесь!» С каким стремительно бьющимся сердцем она побежала бы к нему навстречу, обняла за шею, прижалась мокрой от слез щекой к его щеке и сказала бы только одно слово: «Спасибо!» «За что?» — спросил бы он. «Я не знаю,— ответила бы Дагни.— За то, что вы не забыли меня. За вашу щедрость. За то, что вы открыли передо мной то прекрасное, чем должен жить человек».

Дагни шла по пустынным улицам. Она не замечала, что следом за ней, стараясь не попадаться ей на глаза, шел Нильс, посланный Магдой. Он шел, как пьяный, покачивался и что-то бормотал о чуде, случившемся в их маленькой жизни.

Сумрак ночи еще лежал над городом. Но в окнах слабой позолотой уже занималась северная заря.

Дагни вышла к морю. Оно лежало в глубоком сне, без единого всплеска.

Дагни сжала руки и застонала от неясного еще ей самой, но охватившего все ее существо чувства красоты этого мира.

— Слушай, жизнь! — тихо сказала Дагни.— Я люблю тебя...

И она засмеялась, глядя широко открытыми глазами на огни пароходов. Они медленно качались в прозрачной серой воде.

Нильс, стоявший поодаль, услышал ее смех и пошел домой. Теперь он был спокоен за Дагни. Теперь он знал, что ее жизнь не пройдет даром.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Коль тайга в снега суровые одета,
Все равно уже на юге вишни зацвели.
И зимой найдешь весну, найдешь и лето
На просторах нашей солнечной земли.

Я смотрю в глаза, в глаза твои родные,
Вижу в них и солнце, и полярные снега,
Небеса, моря и рощи золотые —
Все, чем Родина безмерно дорога.

Я зову тебя, как Родину, любимой,
Как тебя, зову страну любимой и родной,
И слились в душе навеки неделимо
Образ Родины и милый облик твой...

Георгий МАЙОРЕСКУ

Над садами, над морем
на сотни метров
Поднимается пик Ай-Петри.

Лишь орлы здесь парят,
охотясь за пищей,
Да холодные ветры свищут.

Лоб крутой из базальта
над морем, над городом
Поднимает Ай-Петри гордо.

Он стоит, возвышаясь
над берегами,
Над туманами, над годами.

По пустынному склону
на сотни метров
Поднимаюсь я на Ай-Петри.

Я люблю подниматься
по мшистым скалам,
Чтобы туча мой чуб ласкала.

Здесь ты полною грудью
озоном дышишь,
Поднимаясь все выше и выше.

Полземли озираешь,
как птица с полета.
Хорошо на больших высотах!

Над землею, над тучей
глаза заблистали:
Беспредельны ясные дали!

Слышу с севера яростный плеск:
то сквозь годы
Бьют в плотины волжские воды.

Слышу с запада плеск:
то, друзья, через море
Им бурливая Бистрица[1] вторит.

Вижу: там земляки мои
с песней орлиной
Поднимаются на вершины.

Перевел с румынского
Владимир ФЕДОРОВ.

[1] На реке Бистрице строится самая большая в Румынии гидроэлектроцентраль имени В. И. Ленина.

Я БЫЛ В ЦИРКЕ

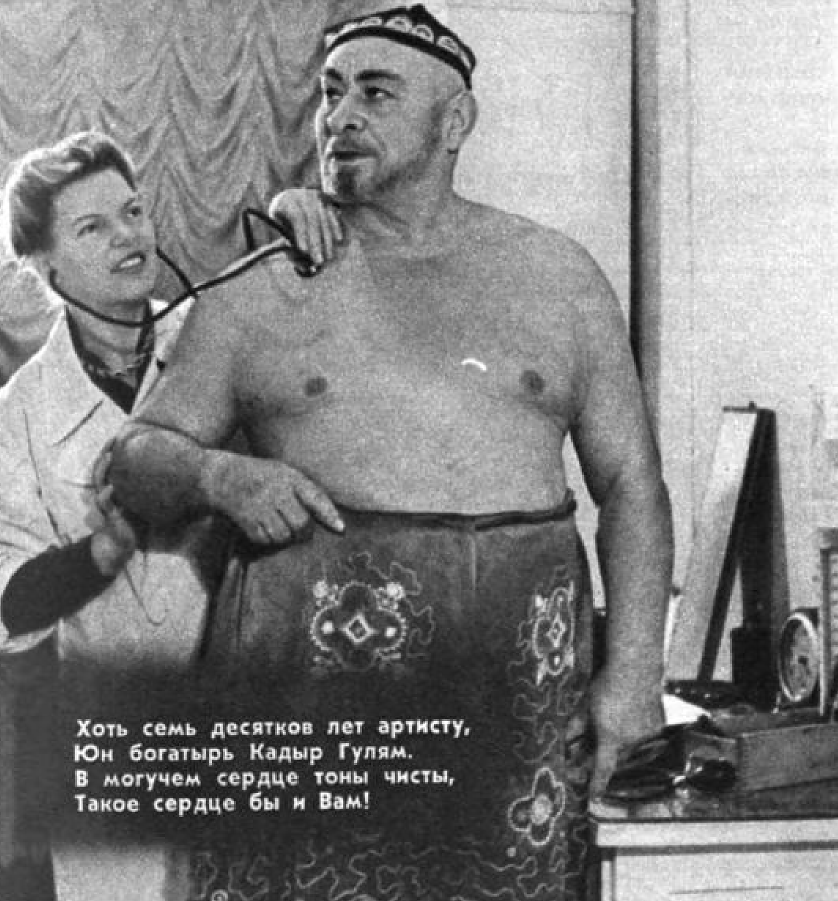
Даже цирковые старожилы не помнят, чтобы в программе выступало одновременно шесть клоунов, но зрителей программы «Здравствуй, столица!» это пренебрежение традициями вполне устраивает.

Фото О. КНОРРИНГА.

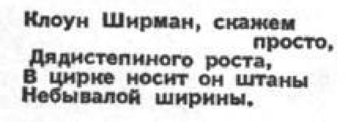
Они съехались сюда из Грузии и Украины, Азербайджана и Белоруссии... Клоуны и акробаты, манипуляторы и дрессировщики, джигиты и канатоходцы, наездники и эквилибристы. Цирки национальных республик прислали в Москву на открытие сезона лучших своих мастеров.

Московский государственный цирк не только охотно и приветливо предоставил им свою площадку, но объединил все привезенное в цельное и вместе с тем разнообразное представление «Здравствуй, столица!». Режиссеры А. Арнольд и А. Аронов, художники Е. Чемодуров, А. Судакевич и большой коллектив актеров создали веселую, занимательную программу. Она открывается кинопрологом. Яркие национальные костюмы, молодые, здоровые, загорелые тела. Зажигается свет — и весь этот поток людей, точно сойдя с экрана, заполняет манеж, и тут же, прямо в гуще толпы, на арене, начинается программа.

Мы предоставляем слово поэту С. Михалкову, побывавшему и за кулисами.

Хоть семь десятков лет артисту,
Юн богатырь Кадыр Гулям.
В могучем сердце тоны чисты,
Такое сердце бы и Вам!

Клоун Ширман, скажем просто,
Дядистепиного роста,
В цирке носит он штаны
Небывалой ширины.

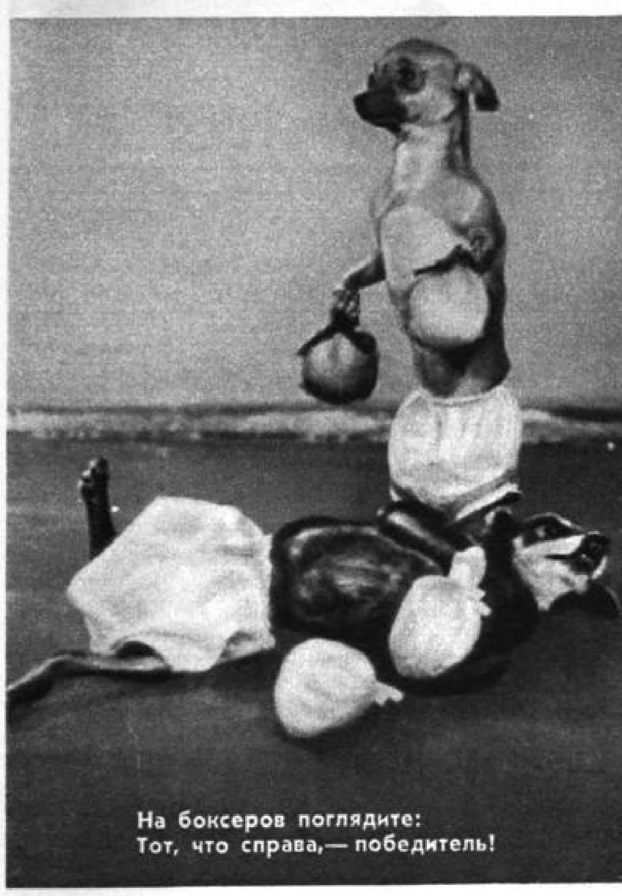
Любимый публикой артист,
К несчастью, на руку не чист.
Узнать сегодня хочет он,
Каков на вкус одеколон!

Артист Манкевич очень рад
Знакомству с юной Мамлакат.
Она юна. Он стар и сед,
Стаж в цирке — семьдесят пять лет.
Намного меньше стаж у ней —
Всего лишь двадцать восемь дней!

В нашем цирке Мозговые
С этим номером впервые.
Третий слышится звонок.
Повторяет роль щенок.

На боксеров поглядите:
Тот, что справа,— победитель!

Артист Юсупов приехал из Узбекистана вместе со своим любимым партнером — осликом Подхалимом.

Л. Агдомелошвили.

Незавидный подарок получил Чижиков: пижама-то великовата! Но друзья утешают: «Штапельная — после стирки сядет». И села... (Клоунада «Бракоделы»).

По манежу конь летит.
Вольтижирует джигит.
Говорит не зря народ:
«Смелость города берет!»

ПИСЬМО ЖАНУ ЛАФФИТУ

В эстонском журнале «Лооминг» Архип Партасюк, счетовод колхоза «Каардивяэлане», прочел аннотацию на книгу Жана Лаффита «Живые борются». Жан Лаффит!.. Мужественный французский коммунист, вместе с которым комсомолец Архип Партасюк провел тяжелые годы заточения в фашистских лагерях смерти.

И вот книга «Живые борются» прочитана. Сердце сжала боль о погибших героях. Партасюк написал Жану Лаффиту письмо и вскоре получил от него ответ. Так началась переписка между эстонским колхозником и членом Всемирного Совета Мира. Мы публикуем последнее письмо Архипа Николаевича Партасюка Жану Лаффиту.

Прага, Янска 100, Всемирный Совет Мира, Жану Лаффиту

Дорогой товарищ Лаффит!

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом, желаю Вам здоровья, счастья, сил для Вашей борьбы за мир, которая является продолжением той, старой нашей борьбы за жизнь, за правду.

«Как и Вы, я не забываю страданий, которые мы с Вами испытали, а также свидетелями которых мы были, и это является дополнительным доводом для усиления в настоящее время борьбы за мир во всем мире», — пишете Вы в своем письме мне. Да, живые борются! Теперь у нас миллионы друзей, сильных, смелых, уверенных в победе. В новогоднюю ночь мы поднимем тост за мир, за то, чтобы никогда на земле не было Дахау, Освенцима.

В конце письма Вы желаете мне «самых больших успехов в труде на благо социалистической Родины». Ваше пожелание очень тронуло наших колхозников и всех, кому я показывал письмо. «Это слова настоящего друга!» — говорили они. И колхозники поручили мне рассказать Вам, как трудимся мы в нашем колхозе «Каардивяэлане».

В колхоз этот я попал неожиданно. После освобождения из концентрационного лагеря я вернулся на свою Украину. Много времени понадобилось для восстановления здоровья, и лишь в конце 1948 года я поехал навестить брата, который после демобилизации остался работать в Эстонии, в Амблаской МТС. В это время эстонские крестьяне объединялись в артели. Создавался колхоз и по соседству с Амблаской МТС. Узнав о том, что я окончил девять классов и имею опыт работы счетовода, мне предложили стать счетоводом во вновь созданной артели.

Сначала я думал поработать здесь недолго, а потом женился на местной жительнице, выучил эстонский язык. И стал колхоз «Каардивяэлане» мне близким и родным. Теперь у меня уже трое детей: старшей дочке, Кате, два с половиной года, а совсем недавно у нас родились близнецы — Олег и Тамара.

За пять лет большие изменения произошли на эстонской земле. В наших краях на месте засоренных валунами, малоплодородных крестьянских полосок и клочковатых болот раскинулись коллективные угодья. У нас 3 тысячи гектаров культурных пастбищ, лугов, сенокосов и полей. Наши доярки надаивают миллион литров молока ежегодно, а комсомолка Лейда Винкель получает от каждой коровы до 8 тысяч литров в год. У нас 300 овец, 600 свиней, 2 тысячи птиц. Мы выстроили скотный двор, свинарник и птичник, в которых все работы механизированы.

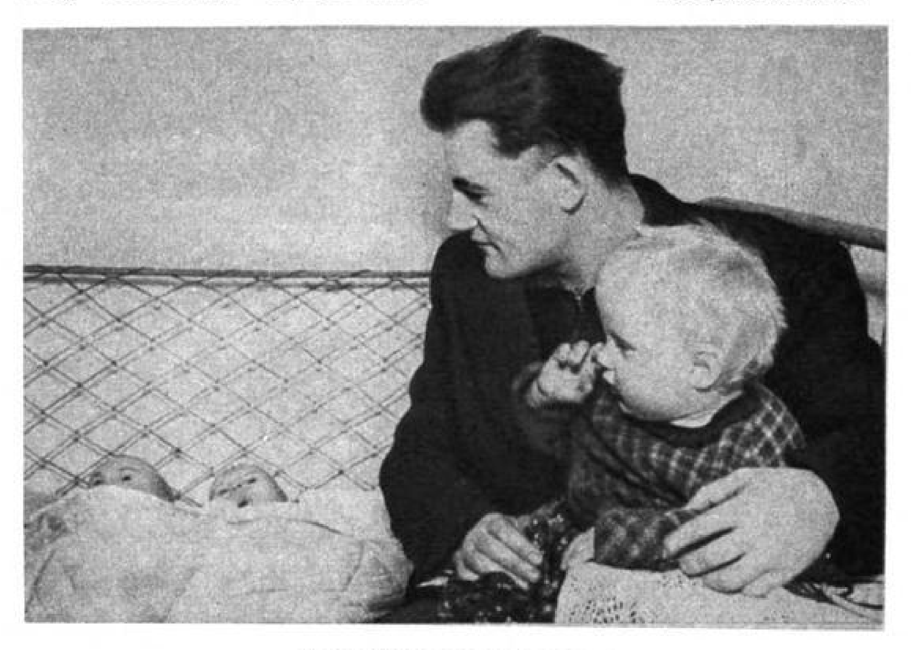
Нынче у нас неплохая оплата: колхозники получили на трудодень 4 рубля деньгами, 2 килограмма зерна, кроме того овощи, картофель, продукты животноводства.

В этом году колхоз «Каардивяэлане» получил более миллиона рублей дохода. Теперь, когда наша жизнь становится все богаче, колхозники осуществляют свою давнюю мечту: в 1953 году мы заложили первые дома колхозного поселка. Эстонские крестьяне не хотят больше жить на одиноких, отдаленных друг от друга хуторах. Крестьяне очень изменились за это время, они стали членами большого дружного коллектива.

Мы много строим, своим трудом мы создаем себе лучшую жизнь. Для этого нам нужен мир, и мы будем отстаивать его. Так просили меня написать Вам наши колхозники.

С горячим приветом

Архип Партасюк,
счетовод колхоза
«Каардивяэлане».

Архип Партасюк и его дети.
Фото С. Розенфельда.

СЕСТРЫ ШИШАКИНЫ

В один и тот же день троим из семьи Шишакиных были вручены ордена Ленина.

Глава семьи восьмидесятипятилетняя Анна Николаевна прослезилась:

— Не ожидала такой радости на старости лет...

К ней склонились три пожилые женщины, три ее дочери. На груди каждой сиял орден.

Недавно был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями медицинских работников за безупречную долголетнюю работу. В нем трижды упомянута фамилия Шишакина, и во всех трех случаях одно и то же отчество — Артамоновна. Меняются лишь имена — Прасковья, Зинаида, Мария...

Сестры Шишакины живут в Коломне, Московской области. Они стали медицинскими сестрами еще накануне первой мировой войны, едва закончив гимназию. Как и многих русских девушек, их влекло желание помочь раненым воинам. Прасковья и Зинаида были первыми коломенскими девушками, которые отважились пойти в земскую больницу.

— Солдатам помочь хотите? — недоверчиво встретил их суровый на вид врач с нахмуренными лохматыми бровями. — Похвально! А крови не боитесь? Стонов не испугаетесь? Что ж, давайте попробуем!

Теперь, когда Прасковья и Зинаида вспоминают прошедшие годы, перед ними проходит бесконечная вереница раненых и больных, сотни бессонных ночей в больничных палатах...

Долгие годы хранят они письма, полученные от солдат, вернувшихся из госпиталей в армию или к родному очагу.

В годы гражданской войны сестры Шишакины работали в коломенской больнице. Борьба с тифом была тогда равносильна борьбе на передовых позициях. Зинаида и Мария заразились в больнице и переболели тифом.

Шли годы. Сестры не оставляли своей любимой профессии. Мария окончила в Москве фельдшерско-акушерский техникум, стала фельдшером-акушером и вернулась в родную Коломну.

Теперь Прасковья, Зинаида и Мария Шишакины работают в детских учреждениях.

Трех сестер знают и уважают в городе. В их лицах и фигурах так много схожего, что, случается, одну принимают за другую.

— Когда у вас прием нынче, Прасковья Артамоновна?

— Прием-то с двенадцати, да я не Прасковья, а Зинаида Артамоновна...

Когда в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета, сестры стали получать письма от старых друзей, со многими из которых давно потеряли связь, и от незнакомых людей. Трем русским женщинам, посвятившим свою жизнь уходу за больными и ранеными, шлют привет те, кто некогда испытал на себе их внимание и заботу.

Анна Николаевна со своими дочерьми (слева направо) Прасковьей, Зинаидой и Марией.
Фото С. Фридлянда.

Я. МИЛЕЦКИЙ

БЫВШИЕ, НАСТОЯЩИЕ, БУДУЩИЕ

Вл. МАСС,
Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Рисунки Г. Валька.

В одном из своих произведений Иван Сергеевич Тургенев рассказывает о сказочном городе, жители которого до того страстно любили поэзию, что если проходило несколько недель и не появлялось новых прекрасных стихов, они считали такой поэтический неурожай общественным бедствием. Они надевали тогда свои худшие одежды, посыпали пеплом головы и, собираясь толпами на площадях, проливали слезы, горько роптали на музу, покинувшую их.

Мы прочли эти чудесные строчки великого писателя, и нам вспомнился знаменитый шахтерский город, жители которого, узнав о поражениях своей футбольной команды, собирались толпами на площадях, проливали слезы, роптали, и только изменившиеся исторические условия и привычки помешали им надеть свои худшие одежды и посыпать головы пеплом.

И этот город не исключение. Пожалуй, во всех городах и даже в целых республиках Советской страны жители, именуемые в дальнейшем болельщиками, узнав о том, что проходит время, а нет новых рекордов, новых спортивных побед, считают такой спортивный неурожай общественным бедствием.

Конечно, тут дело не ограничивается одними только горькими стенаниями и другими признаками проявления скорби. Надев свои лучшие одежды, жители-болельщики толпами собираются на спортивных площадках и активно вмешиваются в спортивную жизнь.

Судьи могут ошибаться, могут даже проявить некоторое пристрастие, могут кое-что попросту не заметить и пропустить. Жители-болельщики никогда не ошибаются, все замечают, ничего не пропускают, и нет более беспристрастных судей, чем они.

Спортивные судьи выносят свой приговор сухим языком спортивных сводок. Жители-болельщики выносят свой приговор на своем, ими самими созданном языке, в такой яркой и выразительной форме, которой могут позавидовать многие, в частности, например, театральные зрители.

Мы представляем, как чувствовали бы себя артисты на сцене и какую пользу извлекли бы режиссеры и драматурги, если бы наши театральные зрители вели себя в театрах так же, как зрители на стадионе.

Вот идет спектакль, а из зрительного зала доносятся на сцену крики:

— Давай, давай!.. Образ, образ углубляй!

— Идею покажи! Ярче!.. Еще ярче!

— Ну, ну, смелее, правдивее, ближе к жизни! Правды побольше! Зачем лакируешь? Убери фальшь! Бей ее!.. Ну!..

— Эх, мазила!

И все сразу ясно — и актерам, и режиссеру, и автору, и даже профессиональному театральному судье-критику, который, безусловно, задумается лишний раз над своим приговором, если будет знать, что ему грозит перед всем зрительным залом услышать громогласную, роковую и столь выразительную фразу:

— Судью на мыло!

К сожалению, в театре так не бывает. Вообще между спортом и искусством при всей их кажущейся близости существует огромная разница. Мы пришли к этой мысли совсем недавно, потерпев при этом довольно крупное поражение.

Казалось бы, дело обстояло очень просто. Мы узнали о том, что давно уже имеется свободная вакансия. Спортивных комедий нет, а нужда в них острая. Мы купили билеты на очередное спортивное соревнование и пришли на стадион для того, чтобы немедленно начать изучение материала.

Конечно, кое-что мы знали еще до того, как началось соревнование. Мы знали о том, что одни спортивные рекорды держатся долгие годы, другие не доживают до конца сезона, а есть рекорды, которые живут только несколько минут. Но тут мы впервые воочию увидели всю драматическую насыщенность этих минут.

Только что диктор объявил по радио о том, что установлен новый всесоюзный рекорд. Загремели аплодисменты. Посыпались поздравления... восторженные возгласы... поцелуи... объятия... цветы...

Сколько самых разнообразных, еще не до конца осознанных, но таких радужных и смелых мыслей замелькало, должно быть, в голове молодого, несколько смущенного человека, только что ставшего рекордсменом! Он еще не успел как следует отдышаться, когда раздался сигнал, извещающий о начале нового забега.

Вслед за этим тот же голос диктора, еще более радостный, еще более возбужденный, сообщил восторженным зрителям о новом, еще более высоком спортивном рекорде...

И снова загремели аплодисменты... Посыпались поздравления... объятия... поцелуи... цветы...

И мы увидели, как спортсмен, несколько минут тому назад принимавший поздравления, вместе со всеми обнимает и приветствует своего товарища, только что ставшего новым рекордсменом. А судья у стартовой линии уже поднял пистолет и выстрелом известил о начале нового забега...

Вот он, этот настоящий, волнующий конфликт! Мы уже хотели бежать к письменному столу, но нас во-время остановил один знакомый театральный критик.

— Вы, что же, собираетесь писать бесконфликтную пьесу? — ехидно спросил он нас.

Мы побледнели.

— Почему бесконфликтную? Ведь вы же сами видели! Ведь это же острейший конфликт!..

— Какой же это конфликт, если здесь происходит борьба отличного с хорошим? Неужели вы не знаете, что настоящий конфликт может быть только тогда, когда происходит борьба отличного с плохим? Так? Так! Ну, то-то!

Он ушел, и нам даже показалось, что, уходя, критик погрозил нам пальцем.

Мы не побежали к письменному столу.

Как быть? Мы со всей уверенностью утверждаем, что спортивные соревнования только тогда и интересны, когда происходит борьба отличного с еще более отличным. Когда один прекрасно тренированный, сильный, талантливый спортсмен встречается с другим, еще лучше тренированным, еще более сильным и еще более талантливым. Мы вспомнили, как тускло и неинтересно проходят соревнования, когда встречаются две далеко не равные команды.

Участники таких соревнований еще не успевают вступить в борьбу, а финал уже известен, и в этих случаях зрители на стадионе ведут себя так, как ведут себя зрители в театре на некоторых премьерах. Они зевают, разговаривают между собой, безучастно смотрят по сторонам, прекрасно зная, что ждет их впереди. И волнует их не то, как окончится со-

ревнование, а когда оно окончится.

Пока мы думали над всем этим, закончился еще один забег, и мы увидели, как теперь уже два бывших рекордсмена обнимают и приветствуют третьего, только что получившего это звонкое и высокое звание. И тут нам снова показалось, что мы нашли конфликт. Этот конфликт заложен в самом слове «бывший».

Слова бывают веселые и скучные. Слово «вперед» — это веселое слово. Когда произносишь это слово, хочется даже привстать. Его нельзя произнести шепотом. Оно действует, как свежий попутный ветер. А вот слово «бывший» — это скучное слово. Когда слышишь слово «бывший», почему-то вспоминаются худшие одежды и посыпанные пеплом головы.

Как ни странно, в области спорта эти два, казалось бы, диаметрально противоположных слова стоят совсем рядом. Бывший рекорд — это, конечно, скучно. Но раз рекорд стал бывшим, — значит, уже поставлен новый рекорд. Значит, дело идет вперед, и это радует нас всех.

Конечно, новый рекорд рано или поздно тоже станет бывшим. И когда это случается, мы скорее движемся вперед.

Но ведь за каждым рекордом, и настоящим и бывшим, стоит живой человек, спортсмен, полный сил и энергии. Ему-то каково? Ведь все-таки слово «бывший» — это скучное, даже грустное слово.

Когда мы задумались над этим, мы пришли к странному, на первый взгляд, выводу: у каждого настоящего чемпиона или рекордсмена есть только одно будущее, и это будущее заключается в том, что рано или поздно настоящий чемпион обязательно становится бывшим.

«Это ужасно! — подумали мы.— Человек долго и настойчиво тренируется. Он затрачивает огромнейший труд для того, чтобы вписать новую красную строку в таблицу спортивных достижений. Дайте ему хоть какую-нибудь гарантию! Ведь в конце концов даже часы, которые он получает как премию, и те имеют гарантию на один год. Ну хорошо, не на год, хотя бы на шесть месяцев! Но ведь ему и такой гарантии не дают!..»

Участь чемпионов нам показалась не такой уж радостной.

Мы вспомнили имена, которые впервые получили широкую известность только в минувшем году. Олег Гончаренко и Халида Щеголеева — абсолютные чемпионы мира по конькам. У них нет абсолютно никакой гарантии, что они сохранят это звание и в новом, только что наступившем году.

Юрий Сергеев — рекордсмен мира по конькам в беге на 500 метров. Он на несколько десятых секунды побил прежний рекорд. За эти несколько десятых секунды нельзя даже перевести дыхания! Где гарантия, что Юрий Сергеев не будет скоро вздыхать, узнав о том, что кто-то другой опередил его на столько же десятых?

Мы задумались над судьбой нынешних чемпионов и вдруг снова встретились со словом «бывший». Оказывается, бывший рекордсмен СССР в беге на 500 метров, бывший неоднократный чемпион Советского Союза Константин Кудрявцев воспитал всех этих конькобежцев. Оказывается, этого вчерашнего чемпиона никак нельзя отделить от чемпионов сегодняшних. Бывший чемпион, ныне государственный тренер по конькам, любовно воспитывает и подготавливает молодых скороходов, уже выдвинувшихся на первое место в мире.

Обладателя мирового рекорда по тройному прыжку бразильца Феррейро да Сильва сделал бывшим рекордсменом молодой советский спортсмен Леонид Щербаков, которого воспитал бывший рекордсмен Европы Николай Озолин.

Офицер Советской Армии Юрий Литуев лишил звания рекордсмена мира в беге на 400 метров с барьерами американца Глена Хардина. Ноль целых и две десятых секунды решили судьбу рекорда, который держался целых двадцать лет! Юрию Литуеву помог это сделать его учитель Вячеслав Садовский.

Многократный чемпион СССР и первый советский рекордсмен мира тяжелоатлет Николай Шатов в 1934 году побил результат швейцарца Эшмана в рывке одной рукой. По пути Николая Шатова, бывшего чемпиона в легком весе, нынешнего государственного тренера по штанге, идет молодежь. Атлет легкого веса Дмитрий Иванов в конце 1953 года установил мировой рекорд в рывке двумя руками. Теперь Иванов уже сам стал бывшим рекордсменом: его результат побил другой молодой спортсмен, Николай Костылев.

Вот так и шагают все время вперед «бывшие» и «настоящие». Этот список следует продолжить. К нему нужно прибавить и «будущих». Мы имеем в виду будущих учеников нынешних абсолютных чемпионов по гимнастике Валентина Муратова и Генриэтты Коноваловой, рекордсменки мира по толканию ядра Галины Зыбиной, чемпиона СССР по лыжам в беге на 18 километров Владимира Кузина и многих, многих других «настоящих».

Значит, «гарантия» все-таки существует! Слово «бывший» на поверку оказалось не таким уж скучным словом. Чем больше мы утверждались в этой мысли, тем яснее чувствовали, как выскальзывают из наших рук нити привычных драматургических конфликтов. Мы поняли, что никакие «испытанные» приемы и «проверенные ситуации» не помогут нам занять свободную вакансию и создать спортивную комедию.

За писание ее мы еще не сели, но жителями сказочного тургеневского города болельщиков уже стали. С волнением мы думаем о новом спортивном годе и усиленно к нему готовимся.

Нам очень хочется вместе со всеми жителями чудесного города выйти на площадь, громогласно приветствовать будущих чемпионов и их учителей — чемпионов нынешних и бывших. Нам хочется аплодировать новым рекордам и бросать цветы новым рекордсменам.

И мы заранее предупреждаем, что если в самое ближайшее время не узнаем о новых рекордах, не услышим новых имен, мы вместе со всеми жителями города болельщиков наденем свои худшие одежды, посыплем пеплом головы и...

Впрочем, мы уверены, что делать этого нам не придется.

ПЕРВАЯ ЕЛКА

«Их дом в Советской стране» — так назывался очерк, опубликованный в 51-м номере «Огонька» за 1951 год. В нем рассказывалось о двух матерях, которые добивались возвращения своих детей, вывезенных гитлеровцами в дни войны на чужбину.

Обе девочки — Тамара Шаркова, уроженка Белоруссии, мать которой живет теперь в Кинешме, и Аня Бобрович, дочь связистки из города Львова,— оказались в детском приюте на территории американской оккупационной зоны Германии. Американцы незаконно передали вопрос о судьбе советских детей на одностороннее решение специальному американскому суду в Мюнхене. Судья Лео Гудмэн вынес решение скорое и несправедливое: дети должны быть переселены в США...

После упорной борьбы советских представителей за рубежом Аня Бобрович, увезенная в Германию малюткой, была возвращена своей матери. Это произошло пять месяцев назад. Лишь на десятом году жизни девочка заняла место за партой в первом классе 21-й средней женской школы города Львова.

По словам Ани, Тамару Шаркову насильно отправили в Америку.

В декабре мы повидались с Аней Бобрович. Она торжественно сообщила:

— Я уже говорю по-русски. И пишу и читаю. И умею считать до ста.

Недавно семья Бобрович получила новую квартиру. У Ани появились куклы, игрушки, книги для чтения, учебники...

В декабре Аня впервые в жизни праздновала день рождения.

Накануне городской совет прислал ей елку. Собрались школьные подруги, принесли подарки. Потом играли, танцевали вокруг елки, пили чай с пирогами, говорили о предстоящих каникулах и развлечениях, о школьном празднике с большой елкой, подарками, спектаклем и карнавалом.

Аня встречает Новый год на родной земле. И это будет действительно новым годом в жизни девочки, вновь нашедшей счастье в своей семье.

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

Первая елка Ани Бобрович.

Проверьте ваши часы!

Фельетон

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки Е. Ведерникова.

С добрым утром! С первым утром нового года! Мы не разбудили вас? Сегодня, разумеется, мы просыпаемся несколько позже обычного...

Мы просыпаемся и первым делом хватаемся за часы. Ну, конечно, мы забыли их завести!

Каждый вечер мы это делаем механически, перед сном. А сегодня не было сна: это была новогодняя ночь. И мы, конечно, забыли завести часы!

Нужно проверить время. И тут мы вспоминаем, что проверяем уже время нового года. Мы уже в пятьдесят четвертом, хотя еще долго будем по инерции ставить на письмах и бумагах дату «1953» и потом, спохватившись, старательно переделывать тройку на четверку. Мы в пятьдесят четвертом!

А ведь каких-нибудь полсуток назад мы были еще в прошлом году и вот так же проверяли часы, чтоб чокнуться за новый год ровно в двенадцать часов — ни секундой раньше, ни секундой позже.

Помните?

— Товарищи, у всех налито? Что у вас там на конце стола?

— Сейчас, сейчас! Селедочку разыскиваем...

— Причем тут селедочка? Что же вы, шампанское селедкой будете закусывать?!

— А Воробьевых до сих пор нет!

— Опаздывают, в парадном встретят!

— Внимание, товарищи, приготовиться!..

— С Новым годом вас! С новым счастьем!

Бьет двенадцать звонких ударов, и мы еще раз сверяем свои часы с самыми точными часами века — с нашими Кремлевскими курантами.

Наше время совпадает.

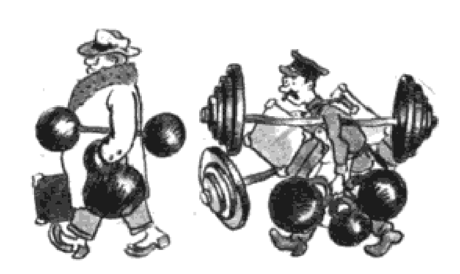
И все-таки не у всех...

В первое утро нового года хочется проверить: по каким часам живет каждый из нас? Ведь часы бывают разные...

Вот, например, незадачливый руководитель, которого почему-то все время перебрасывают на новые места только на том основании, что он ни на одном месте не может справиться с работой. И всюду его то и дело «подтягивают», «подстегивают», «подкручивают» и «подвинчивают». В противном случае он немедленно останавливается.

Такой деятель работает, как те часы, которые нужно почаще встряхивать, чтоб они продолжали кое-как тикать...

Или вот известный тяжелоатлет, еще недавно великолепный спортсмен, с увлечением боровшийся за новые достижения со-

ветского спорта. Но он загордился, залюбовался на свою высокоразвитую мускулатуру, оторвался от товарищей, потом на кого-то обиделся и...

Теперь он уже не спортсмен,— он гастролирует, выступая на цирковых аренах и на эстрадных подмостках.

Вот выходит он из вагона на перрон, равнодушно бредет к выходу, и вокзальный носильщик несет за ним его былую чемпионскую штангу...

Что-то рано кончился у вас завод, товарищ чемпион!

Или вот этот скорострельный художник. Так сказать, моменталист-монументалист.

Из года в год он выставлял свое постное масло.

Один — два раза он даже «угадал»: нарисовал то, что нужно

(хоть и не так, как нужно), и даже премию где-то ухитрился получить.

С тех пор собрал он себе громадную художественную артель — тридцать три кустаря-богатыря — и малюет с их помощью огромные полотна — этакие коммунальные картины со всеми удобствами в пятьдесят метров бесполезной площади.

И он еще требует к себе внимания, напоминая всем, что он имел достижения, был, как он говорит, «на уровне времени»...

Но при этом забывает он о том, что и рекламные часы без механизма, с нарисованными стрелками, тоже два раза в сутки случайно показывают верное время.

А вот и писатель-драматург, всю жизнь живущий по спешащим часам.

Он сидит у радиоприемника. Передается новое правительственное постановление о сельском хозяйстве. Прочитан только вступительный раздел, а драматург, охваченный скоростным вдохновением, уже придвигает к себе чистый лист бумаги и уверенной рукой начинает набрасывать на нем план своего нового произведения.

Условное название:

«МАРФА и АРФА»

Действующие лица:

МАРФА — доярка-рекордсменка.

АРФА — корова-рекордистка.

МАТВЕЙ ЕРЕМЕЕВИЧ ЗАБУЛДЫГО — отрицательный председатель колхоза.

ДОРОФЕИЧ — колхозный пастух. Комический старик с народной мудростью. Все время срезает отрицательного председателя остроумными репликами: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала», «Готовь сани летом, а телегу зимой» и «Не плюй в колодец — пригодится воды напиться»...

...В это же время созревают и другие скороспелые плоды изящной словесности.

У поэта-скоростника уже готовы два варианта начала большой эпической поэмы:

Скажи мне, Вася, как случилось,
Что ты совсем забыл про сúлос!..

Или:

Скажи мне, что с тобой стряслось —
Забыл ты, Вася, про силóс!..

Наличие двух вариантов объясняется тем, что автор так и не успел точно выяснить, где надо ставить ударение в слове «силос».

Другой поэт уже читает композитору новую жанровую песенку, кончающуюся бодрым утверждением:

Только тот в любви имеет перевес,
Кто работать едет в МТС.
А для тех любви и не было и нет,
Кто уехал из колхоза в кабинет.

Бушует скоростное вдохновение. Скрипят перья. Литскоростники спешат. Так спешат, что даже не замечают, как они безнадежно отстали. Отстали от тех, кто действительно старается серьезно и глубоко раскрыть все величие происходящих в нашей жизни событий, всем своим вдохновением, всей силой своего таланта помочь рождению нового.

Порой спешат часы и у иных областных работников, выезжающих в районы для инструктажа и руководства на местах.

Вот он на трибуне в одном из сельсоветов. Заглядывая в лежащие перед ним универсальные тезисы, он поучает собравшихся:

— ...Для того, чтобы поднять ваш участок на должную высоту, надо, товарищи, смело поддерживать новые, передовые методы и решительно, товарищи, отвергать старые, отсталые методы... Именно мобилизацией всей вашей активности вы лучше всего ответите на присуждение вам переходящего районного знамени... Что? Вам не присуждали знамени?.. Тем более!.. Значит, вы недостаточно смело поддерживаете новые, передовые методы и недостаточно активно мобилизуетесь на борьбу со старыми, отсталыми методами. И вы должны извлечь из этого урок, товарищи животноводы!.. Что?.. Вы не животноводы? Механизаторы! Позвольте, это колхоз «Новый путь»?.. Ах, «Заря»!.. Ну, хорошо, я коротенько... Так вот, товарищи механизаторы!.. Для того, чтобы поднять ваш участок на должную высоту, вам надо смело поддерживать новые, передовые методы и решительно, товарищи, отвергать старые, отсталые методы. Ясно, товарищи?..

Ясно! Ясно, что через час запыленный «газик» уже подлетит к правлению колхоза «Новый путь» и там снова ускоренным ходом будет пущена проверенная инструктивная пластинка...

...Мчится «газик» по районным проселкам. Летит на нем перелетный инструктор на все руки, оратор на все темы, не оставляя за собой никаких следов, кроме синеватого бензинного дымка.

У иных часы спешат, а у иных и отстают. И намного отстают: иногда лет на сто, а то и больше!

В бесконечных бетонных коридорах киностудии с утра слоняются странные люди. Длинные волосы. Старомодные прямоугольные очки в железной оправе. Бородки. Бороды. Бородищи.

Странные внешности и еще более странные разговоры.

— ...Ну, хорошо. Гоголь из меня, действительно, не вышел! Но ведь у Грозного я был боярином высшей квалификации. И на вече

у Александра Невского в ихнем президиуме должен был сидеть!.. Да что они, смеются, что ли? Я этого дела так не оставлю! Я в стенгазету напишу!..

— ...А я ему говорю: вы, милостивый государь...

— Что?

— Прости, привычка! Я ему говорю: вы, товарищ директор, должны учесть мою редкую специальность. Мой профиль — это цари...

— Вот Стасовым быть хорошо! Постоянная работа. На всю «Могучую кучку»...

— ...Слушайте, неужели правду говорят, что шестидесятников больше не берут? Тогда мы с Колькой пропали. Мы же типичные прогрессивные разночинцы...

— ...Ай-ай-ай!.. А я бакенбарды себе отрастил а ля Бенкендорф и на всякий случай бороду в стиле Александра III... А теперь, говорят, современников будем играть. Пожалуйте бриться!..

Гудят бетонные коридоры. Волнуется историко-биографический типаж. Тревожно слоняются неприкаянные бояре и растерянные шестидесятники.

Ничего не поделаешь: кинематограф начинает жить по часам нашего времени!

По этим же часам начинает жить и наша торговля.

Но оглянемся все же на недавнее торговое прошлое.

В универмаге, в отделе готового платья, продавец оценивающе разглядывает выстроившихся у прилавка разнокалиберных покупателей.

— Вы, гражданин, подойдите... Вот вы, товарищ, останьтесь. И вы, пожалуй, нам подойдете. Остальных попрошу разойтись!..

У прилавка остаются избранные — три длинных, сухопарых счастливчика с фигурами, похожими на Дон-Кихота.

— Ужас, как трудно работать! — жалуется продавец.— Никак покупателя под костюм не подберешь!..

И в самом деле, продавцу можно было посочувствовать. В этом месяце фабрика прислала в магазин костюмы исключительно дон-кихотских габаритов. А в следующем — поступят пузатенькие, короткие пиджаки только на Санчо Пансу. А затем пришлют двугорбые пальто, годные разве что на Квазимодо... Или некомплектные костюмы с пиджаками на лилипутов и брюками на Гулливеров.

И хотя в магазинах еще появляются и сутулые пиджаки и неравнобедренные брюки, мы все же осмеливаемся отнести это явление к прошлому. Потому что время шагнуло вперед, и очень скоро все производители швейного и прочего ширпотребства наглядно увидят, что их время кончилось, что живут они по отстающим часам.

Уже, словно первые ласточки этой торговой весны, полетели из магазинов обратно на фабрики первые накладные с пометкой «возврат»...

Уже начинают чувствовать себя неуверенно обувщики и галантерейщики, выпускавшие уродливые сандалеты, пояса из целлулоидных обрезков и прочие товары качеством от утиля и ниже.

Уже рыбники задумываются над тем, что рожденная покупательским фольклором поговорка: «Рыба ищет, где глубже, а человек ищет, где рыба»...— должна наконец уйти из торгового обихода, перейдя к работникам рыбных промыслов, где, действительно, надо искать рыбу в морских глубинах, не дожидаясь, пока она надумает подойти к берегу.

Уже деятели молочной промышленности начинают приходить к выводу, что сорта сыров должны отличаться друг от друга не только количеством дырок, но и вкусом.

Вкусовщина? Да, вкусовщина! И с этим не надо бороться!

Время идет вперед, растут наши вкусы и запросы, и не замечать этого — значит пытаться прожить по часам, которые ходят против часовой стрелки.

...И сегодня, в это доброе утро нового года, все мы еще раз оглянемся на пройденное, поглядим внимательней в недалекое будущее и еще раз проверим наши часы!

И в хороших домах

БЕССТРАШНЫЙ НАЛИМ

Шли мы с приятелем зимой по речке. На небе ни облачка, солнце вовсю светит. Ветерок же злой — словно огнем жжет. В такую погоду рыбалка обычно бывает неважная. Решили к дому подаваться. По льду в залив вышли. А залив, знаем, мелкий, захламленный. Глядим: около тропы большая лунка, совсем свежая.

Снял я ледок черпачком и заглянул вниз. Вода чистая, как кристалл, все дно видно. А на дне пень — разлапистый такой, и торчит из-под одной лапы налимий хвост. Дальше же не видно: кромка льда мешает.

— Эх, — говорю, — Николка, судя по хвосту, хорош должен быть налим. Только как его взять?

— Обожди, — отвечает, — может, мы его на мормышку обманем.

— А как он мормышку увидит? Лед надо рубить, пока морда не покажется. А может, он ее в какую нору сунул? И, главное дело, стука рыба боится. Начнем рубить — уйдет!

— Стука он,— говорит Николай,— не боится. Пора бы бросить тебе в эту ерунду верить! А вот как обрубим лед и глазки ему засветим,— уйдет обязательно. Придется одному против солнца встать, прорубь плащом заслонить, а другому рубить.

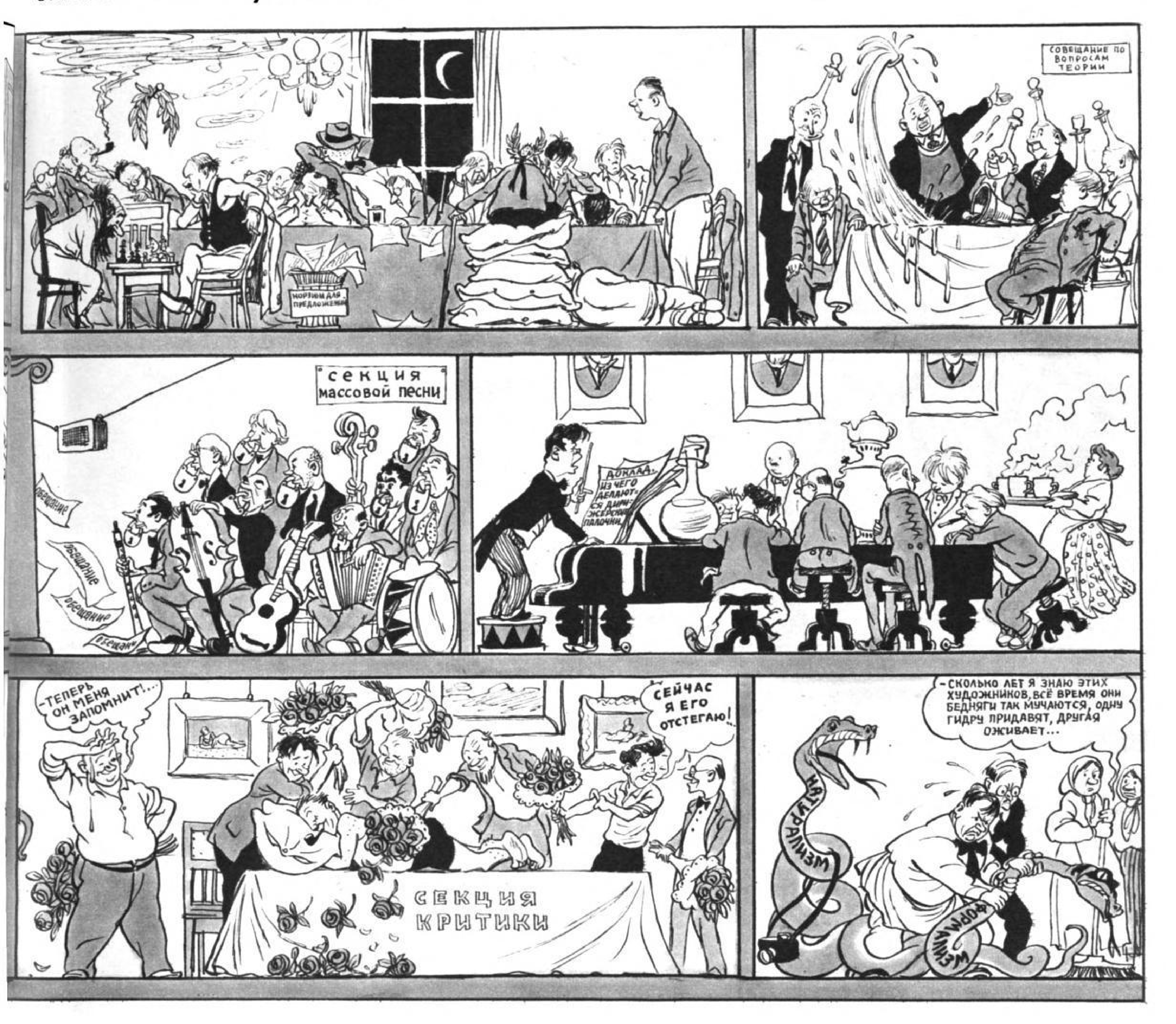
— Глупости, — отвечаю, — какие! Ему на свет начихать. Видишь, лунка какая здоровая? Там и так светло, как в метро.

— А зачем,— спрашивает,— он тогда на свет не морду, а хвост высунул? Видишь, отвернулся от солнца?

И разгорелась тут у нас дискуссия. Потому, что каждый любитель по-своему рыбьи повадки толкует. И существуют между рыбаками даже, как бы сказать, две партии. Одни за то стоят, что рыба зимой очень стука опасается. Такие и лунки вырубают с осто-

бывают такие уголки...

Рисунки И. Семенова.

рожностью, и, помилуй бог, когда кто другой рядом рубить начнет — до скандала дело дойти может! А другие, наоборот, говорят: подходи, руби шибче — рыба стуком интересуется! Но уж как вырубил, тут скорее лунку снегом закидывай, один «мышиный глаз» оставляй, чтобы впору только мормышке или блесне пролезть...

А мы так порешили: я лед обрубаю, а Николай сбоку стоит и от солнца плащом свет заслоняет. Так, объясняют, получаются под водой сумерки.

Обрубил я край лунки, выгреб лед и вижу: стоит налим под лапой пня, как под аркой. С одной стороны хвост торчит, а с другой — морда, толстенная, здоровущая!

— Ух,— говорю,— Николай, силен налим!

Он сунулся поближе поглядеть да в горячке плащ и обронил. Хлынул тут в лунку свет, даже рыбина наша засверкала, как полированная. А между прочим, стоит как ни в чем не бывало. Ни с места!

— Что,— говорю,— съел? Боится он света?

— А ты,— смеется,— доказывал, будто стука рыба боится. Сам же с полкуба льда вынул, не меньше.

— Да,— поскреб я в затылке,— выходит, помирил нас этот налим и, пожалуй, обоих в дураках оставил. А теперь давай скорее ему мормышку!

Нацепил Николай на крючок мормышки мотылей побольше и осторожно так подводит ее налиму под самое рыло.

А тот поднял голову вверх и пасть разинул. Будто зубному врачу показывает. И тут же — хоп! Скрылась мормышка! Значит, схватил. Есть! Потащил Николай рыбину.

А леска все-таки тонкая. Ноль пятнадцать. На окуня рассчитана — не на такого черта... Только подвел его Николай к лунке — рванула рыбина и свалилась с крючка. Сошла! Ах, беда какая!

И видим: становится налим на прежнее место. Опять под лапу.

— Эх,— говорю,— тяпа, ведь это у тебя крючок на мормышке разогнулся! Снасть надо все-таки порядочную иметь. Не балуемся — рыбу ловим.

Рассмотрел он мормышку и даже покраснел от злости.

— Да,— говорит,— продукция!

— Ладно, — успокаиваю, — давай другую навяжем. Есть у меня самодельная. С кованым крючком!

— Да неужто, думаешь, он опять возьмет?

— Разве,— говорю,— рыбаки в таких случаях думают? Ловят рыбаки!

И опускаю свою мормышку. И, хотите верьте, хотите нет, повторяется та же история. Опять налим разевает пасть, хватает мормышку; я тащу, а у самого льда он как вертанет! И трык! Оборвалась леса.

С мормышкой ушел! Вот что значит крючок кованый! Этот не разогнется! А налима словно заколдовало — опять стал на свое место.

— Что,— спрашивает Николай,— тоже продукция?

— Нет,— отвечаю,— сам виноват. Леска качественная!

— Слушай,— говорит (а сам, между прочим, трясется).— Давай я этого нечистого на блесну забагрю. «Самодером»!

И вынимает щучью удочку с блесной. Здоровая блесна. С тройным крючком-якорем. И леска толстая.

Подвел блесну под налимью морду. Прицелился. Дерг! И царапнул налима, должно быть, по щеке. Промазал сгоряча.

Ну, тут налим как махнет из-под коряги. Только мы его и видели!

Опустил Николай руки:

— Надоело ему все-таки!

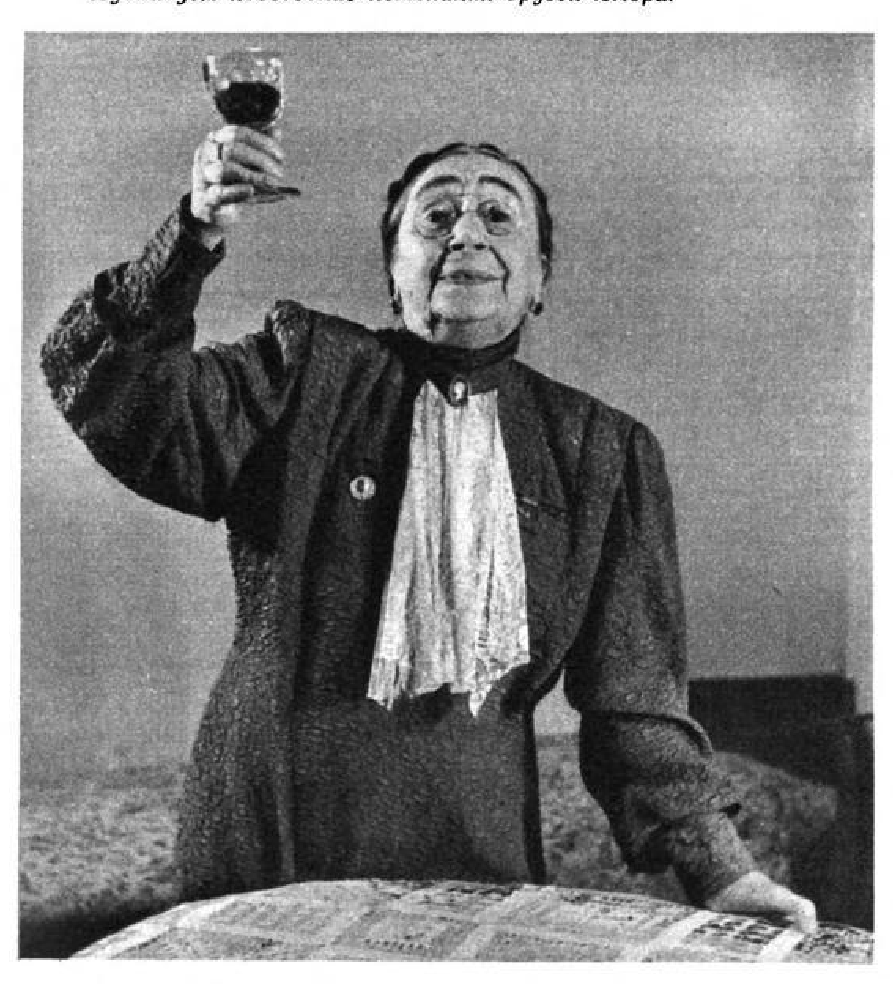
— Кому хочешь,— отвечаю,— надоест, если все рыло обдерут!

А после этого случая поменьше мы стали в рыбацкие споры вмешиваться. Разве иному приятелю поддакнешь, когда уж очень из себя начнет выходить. Сами же лунок больше не темнили и лед так рубим, что гул по речке идет. Потому что считаем: захочет рыбина мормышку или там блесну схватить — возьмет и без этих деликатностей.

Михаил ЗАБОРСКИЙ

Веселые интервью

Корреспонденты «Огонька» Б. Привалов и Д. Бальтерманц в канун Нового года посетили ряд деятелей литературы и искусства, мастеров шутки, веселого, острого слова...
Публикуем новогодние пожелания друзей юмора.

— Я желаю всем хорошим людям всего самого приятного, светлого, прекрасного, желаю исполнения всех желаний! — сказала народная артистка СССР Варвара Николаевна Рыжова. — А моя мечта — сыграть в будущем году хорошую роль в хорошем современном спектакле... Ведь, бывало, Александр Николаевич даже пьесы писал специально для определенного артиста...

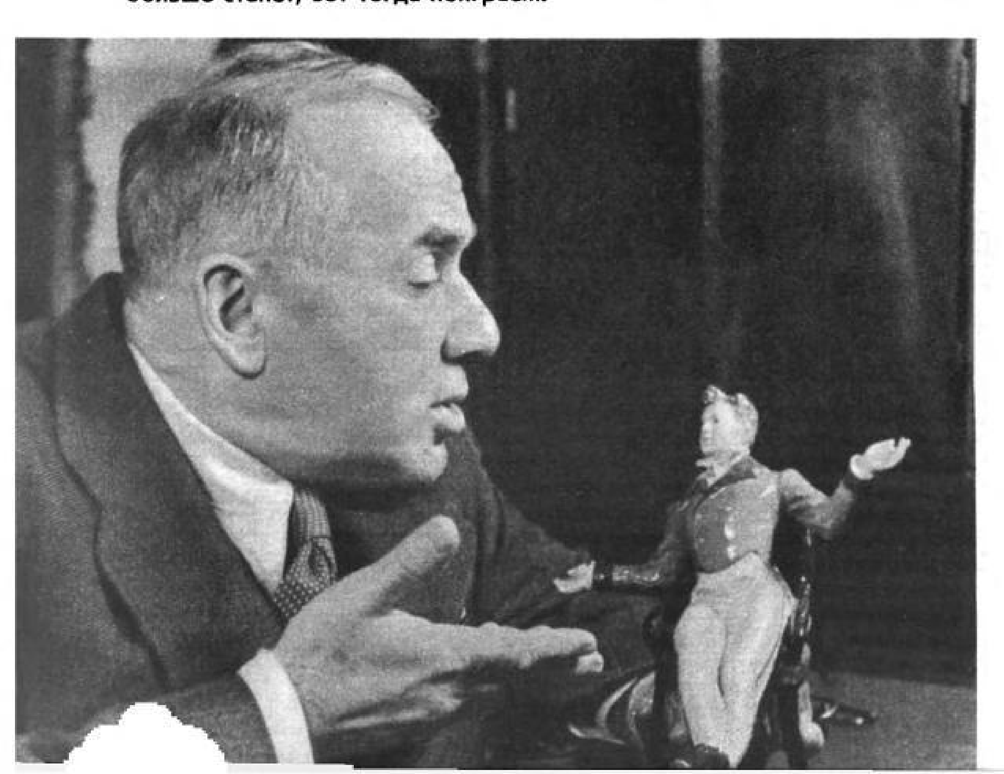
— Простите, Варвара Николаевна,— сказали мы,— вы говорите о...

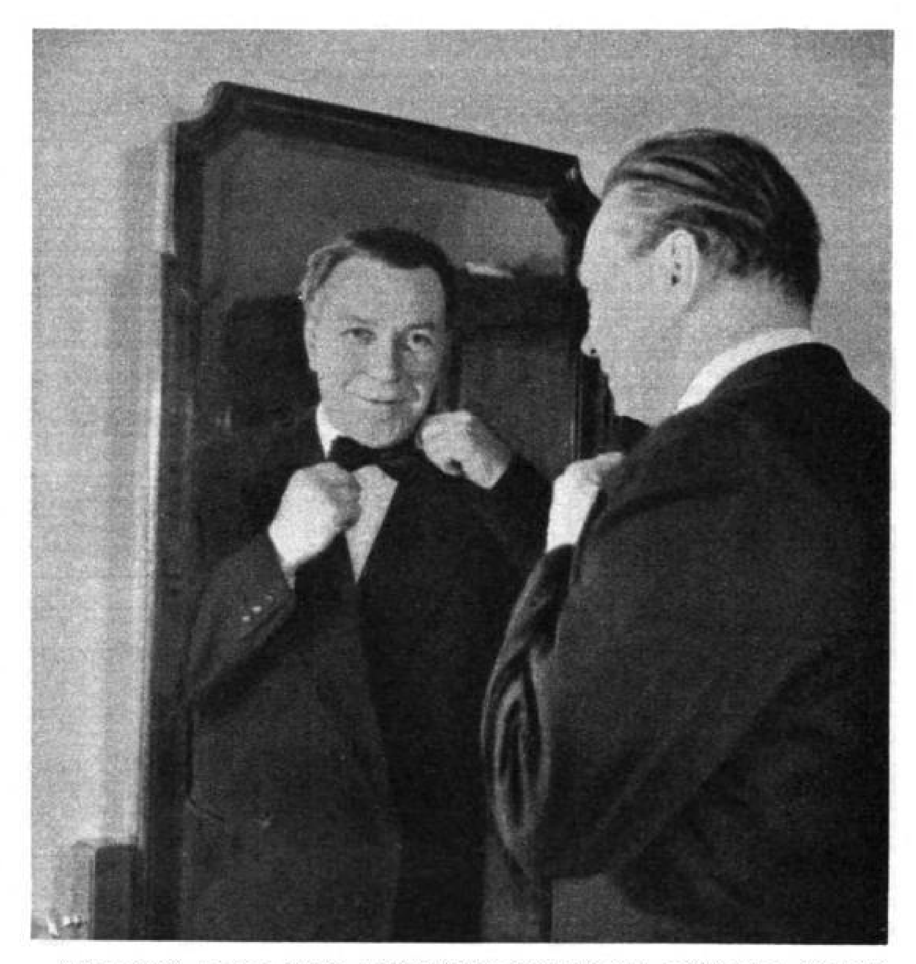
— Ну, конечно, об Александре Николаевиче Островском.

Народный артист СССР Игорь Владимирович Ильинский беседовал с... Хлестаковым!

Очевидно, Хлестаков только что спросил артиста: «Ну как, брат Ильинский, дела с кинокомедией?»,— потому что Игорь Владимирович грустно отвечал:

— Да так, брат, так как-то все... Маловато еще комедий, а в кино и совсем раз — два да обчелся... Вот, может, в будущем году побольше станет, вот тогда поиграем!

Народный артист СССР Борис Петрович Чирков собирался уходить на новогодний вечер.

— А вот куда идти? — усмехнулся он. — В Дом кино? Но там опять будут разговоры, что нет еще кинокомедий, мало вообще фильмов... В Дом актера? Там будут жалобы на недостаток пьес, на стандартность образов... В Дом литераторов? У них слабо с сатирой и юмором, прозой и поэзией, драматургией и критикой... В Дом архитекторов? Там старые проблемы: строят медленно, колонн много, а домов пока мало... Куда же пойти?.. Надеюсь, в будущем году можно будет спокойно пойти в любой Дом!..

— Дело в шляпе! — сказала народная артистка СССР Вера Петровна Марецкая. — Нет хороших шляп. Редко попадается такая, которую можно надеть с удовольствием... Видимо, создавать отличные автомобили, радиоприемники или холодильники легче... Забывают иногда у нас о мелочах. Попробуйте, к примеру, найти самую обыкновенную зубочистку. Вот и хорошая шляпка стала «узким местом». А для женщины это — дело немаловажное. Не так ли, товарищи мужчины? Приходится женщинам щеголять в... мужских шапках.

Мое пожелание: в будущем году — больше внимания мелочам! Чтобы мы могли сказать: вот теперь действительно дело в шляпе!

Писатель Валентин Катаев стоял в раздумье над письменным столом, на котором лежал чистый лист бумаги...

— Все переработано, отделано, доделано, переделано, сдано. Ничего не поделаешь, надо писать новую вещь!..

Желаю всем — каждому в своей области — работать так, чтобы созданные им вещи не нуждались в переработках, отделках, доделках и переделках, чтоб всегда давать продукцию высшего качества!

В студии художника КУКРЫНИКСА, которому недавно исполнилось 150 лет (народные художники РСФСР Куприянов, Крылов и Ник. Соколов), мы познакомились с новой работой — «Новогодний юбилейный автопортрет».

— Мы хотим, — сказали мастера карикатуры, — чтобы в будущем году нам, как сатирикам, было меньше работы!.. С большим чувством мы поднимаем этот маленький бокал за здоровье положительных героев нашей советской эпохи!

Чего только не бывает в ночь под Новый год!

На квартире литературоведа и автора «Устных рассказов» Ираклия Андроникова мы стали очевидцами странной картины. Мы увидели двух Андрониковых сразу!

Литературовед И. Л. Андроников заканчивал работу по подготовке издания нового полного собрания сочинений М. Лермонтова и никуда не собирался идти, огорченный опозданием выхода в свет очередного тома.

Рассказчик Ираклий Андроников, наоборот, спешил выйти из дому и тормошил «лермонтоведа»:

— Пора встречать 1954 год! Кончай с приложениями и с комментариями! Давай устные рассказы!

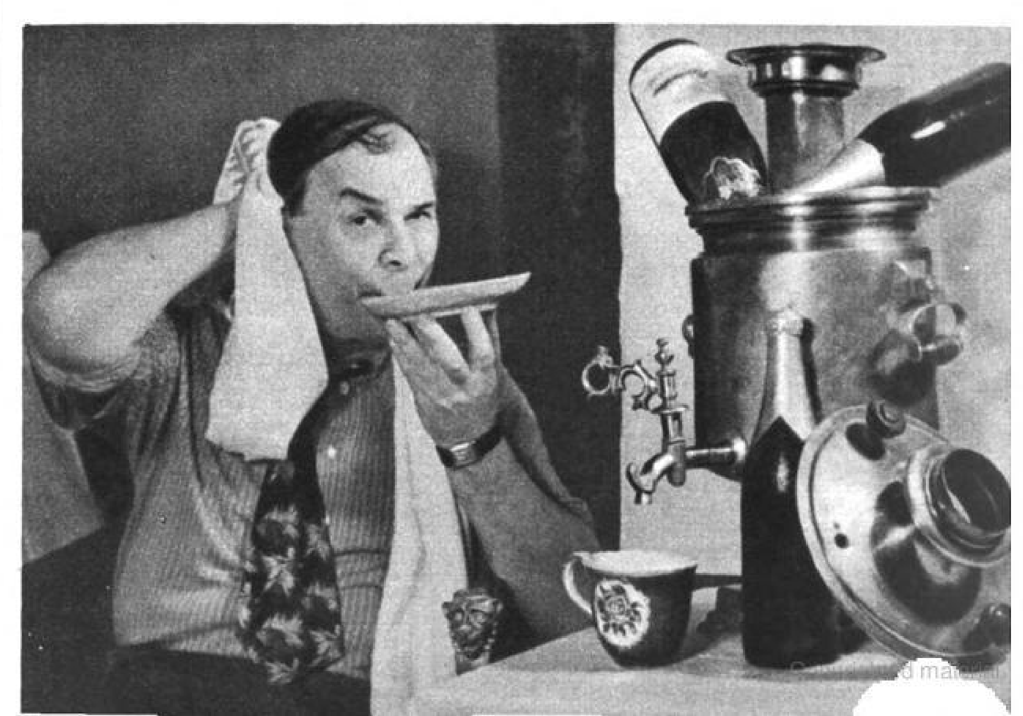
— Желаем,— сказали оба Андрониковых вместе,— чтобы в новом году все «совместители» выполняли одинаково хорошо все свои обещания.

Народный артист РСФСР Владимир Володин сразу же пригласил нас к столу.

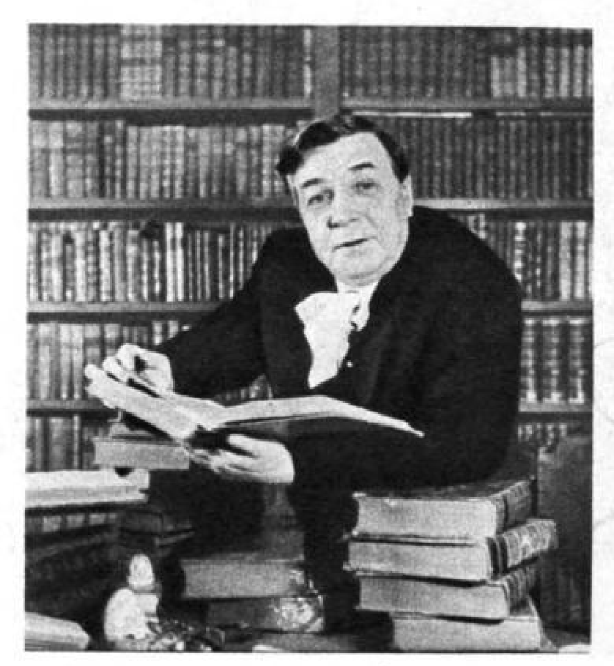
— Прошу к самоварчику, — сказал он, лукаво улыбаясь. — В нем, правда, налицо некоторое смешение жанров. Но что поделаешь! Иногда и в театре музкомедию нельзя отличить от музтрагедии... А почему? Из-за перестраховки, как бы чего не вышло, как бы чего не подумали!.. Ну, а дома:

Мы шампанским, а не чаем
Этот праздник отмечаем,
Но еще репертуар
Не изжил порочных правил:
Для страховки я поставил
«Бесконфликтный» самовар!..

Выпьем за то, чтоб поменьше было перестраховщиков, за творческое дерзание! За то, чтоб чай пили из самоваров, а шампанское, как ему и положено, из бокалов!

— При поздравлении с юбилеем или каким-либо другим торжественным днем принято преподносить адрес.

День Нового года — весьма торжественный день. Мне хочется,— сказал нам заслуженный артист республики Николай Павлович Смирнов-Сокольский,— преподнести сегодня читающим эти строки какой-нибудь адрес. Но на этот раз он будет в буквальном смысле этого слова адресом: Москва, Площадь Маяковского, бывшее здание Театра сатиры, ныне — Московский государственный эстрадный театр!

Адрес искусства, у которого до сего времени постоянного адреса не было... Надеюсь, скоро такие же постоянные адреса появятся и в других городах!

Вот в этой груде книг я пытался найти рецепт построения программы открытия эстрадного театра. Тщетно! Во всех десяти миллионах томов нашей московской, крупнейшей в мире библиотеки нет ни одной книги, посвященной популярному у народа эстрадному искусству.

Товарищи искусствоведы! Адрес теперь у вас есть. Милости просим! Захаживайте! Смотрите! Пишите!..

Самуил Яковлевич Маршак просматривал корректуру нового стихотворения.

— Меня заинтересовало письмо школьницы со станции Бурга, Новгородской области,— сказал он.— В нем рассказывается о великолепном почине. Хорошие люди оборудовали вагон с елкой для ребят...

ЕЛКА В ПОЕЗДЕ

В полях, в лесах лежат снега
Глубокие, по пояс.
Несется к станции Бурга,
Гудя протяжно, поезд.

Подходит праздничный вагон
Без багажа на полке.
Вагон просторный отведён
Для новогодней елки.

Меняет дерево наряд
На каждом перегоне,
Чтоб смену новую ребят
Принять в своем вагоне.

И долго вечером светло
На улице поселка,
Куда глядит через стекло
Сверкающая елка.

Подарки елка раздает,
Не становясь беднее.
И Новый год, счастливый год
Приходит вместе с нею.

— Желаю, чтобы все взрослые, чем бы они ни занимались, сделали в будущем году что-нибудь хорошее для детей: новые школы и светлые дома; прочные и красивые ткани; ладно сшитые костюмчики и ботиночки; удобные парты и кроватки, салазки, лыжи, коньки; отличные спектакли для детей в каждом театре; много «хороших и разных» кукол и такие заводные игрушки, которые бы и в самом деле заводились и нескоро требовали ремонта; чтобы каждый школьный урок был интересен, а каждая детская книжка приносила ребятам радость и запоминалась на всю жизнь.

— Что? Новогоднее интервью? — испуганно спросил поэт Сергей Владимирович Михалков. — Дорогие друзья, вы же видите:

Рук не хватает у поэта,
Чтоб написать и то и это!

Столько еще нужно басен, сатирических пьес, кинокомедий!.. А борьба за качество?..

Заслуженная артистка РСФСР Рина Зеленая показывала писательнице Агнии Барто свой новый номер — «Уцененная кукла»...

— В последнее время,— сказали нам Агния Львовна и Рина Васильевна, — к сожалению, большую известность приобрело слово «уцененный». Например: «уцененная» обувь, «уцененная» кукла... От души желаем, чтобы в новом году это слово исчезло из нашего обихода вместе с «уцененными» товарами, «уцененными» пьесами, романами, стихами. Пусть все чаще и чаще звучит хорошее слово «бесценный»!

Заслуженный деятель искусств Леонид Утесов проводил репетицию со своим эстрадным оркестром.

— Товарищ Утесов, почему ваши музыканты даже на репетиции одеты в однообразные костюмы? — спросили мы.

— А вы попробуйте одеть и обуть такой коллектив, — пошутил Леонид Осипович.— Репертуар в магазинах готового платья, сами знаете, пока еще не очень... как и у нас на эстраде, ассортимент хромает! Многие номера похожи друг на друга, как некоторые костюмы так называемого «массового пошива».

Хочется, чтобы в новом году с расцветом промышленности товаров народного потребления расцветало и искусство народного потребления — жизнерадостная шутка, задорный куплет, веселый танец!..

Заслуженный артист республики Аркадий Райкин спал.

— Обидно,— сказал он,— что вы меня разбудили. Я провел чудесный день: утром в Большом театре смотрел новый советский балет, днем видел новый стереофильм, а вечером начал переезжать на новую квартиру, и тут вы меня разбудили... Простите, но часть мебели еще осталась на улице, и я хочу досмотреть, что будет дальше...

Артистов Мирова и Новицкого мы увидели в необычной роли. Передаем их разговор:

НОВИЦКИЙ. Что с вами, Лев Борисович?

МИРОВ. Да вот голова трещит... Жена, понимаете, учится в институте, а я ей помогаю.

НОВИЦКИЙ. А-а, готовите за нее лекции?

МИРОВ. Какие там лекции! Готовлю за нее обеды.

НОВИЦКИЙ. И как?..

МИРОВ. С виду красиво, а попробовать как-то боязно.

НОВИЦКИЙ. Ничего, вам уже недолго мучиться.

МИРОВ. Почему недолго? Она только на второй курс перешла. Пока закончит...

НОВИЦКИЙ. Я не о том, Лев Борисович! Скоро вам будет легче! Вспомните: сколько будет выпущено холодильников, стиральных машин, пылесосов!.. Сколько откроется ресторанов, кафе, столовых, закусочных!

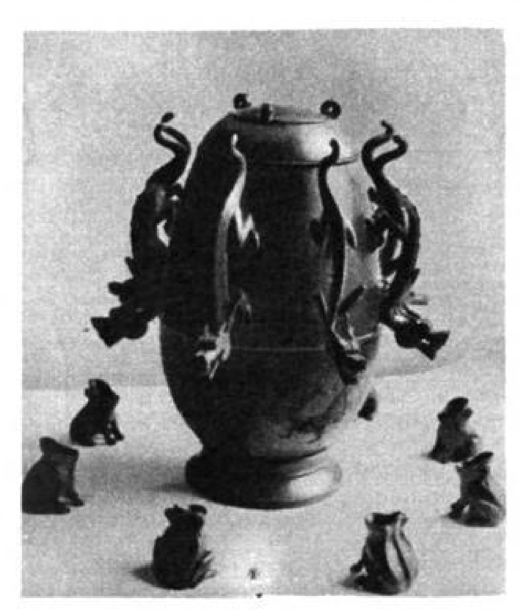
МИРОВ. Значит, я буду раскрепощен? Брошу все эти кастрюли, мясорубки, ложки, плошки?.. Тогда я сам буду учиться!.. Ф-фу! Проходит! Честное слово, проходит головная боль... Так и хочется крикнуть: дорогие товарищи мужчины! Желаю вам от всей души поскорее раскрепоститься и вырваться из жарких объятий кухни!

Народный артист РСФСР Григорий Маркович Ярон влетел в свою квартиру за полминуты до встречи Нового года, когда все гости уже сидели за столом.

— Простите, опоздал! Но все же я, кажется, успею частично высказаться,— сказал он, стоя в дверях. — У кого что болит. А я — об оперетте. Я пью за то, чтобы наши оперетты не были скроены на один и тот же фасон, чтобы они имели самые разнообразные покрои! Чтобы делались не из грубошерстного, мрачного, одностороннего материала, а сверкали яркими красками, веселили сердце зрителя! Чтобы спектакли не выдыхались, словно плохие духи, а долго сохраняли «премьерный» аромат!.. С Новым годом, с новым счастьем! С новыми премьерами!..

Первый сейсмограф

В китайском отделе Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР выставлен для обозрения новый экспонат. Это небольшой латунный сосуд, украшенный фигурками драконов. В пасти каждого из них — металлический шарик. Вокруг сосуда сидят лягушки с разинутыми ртами.

Внутри сосуда находится металлический стержень-маятник, нижняя часть которого значительно тоньше верхней. К нему из пастей драконов идут рычажки.

Таким в общих чертах был древнейший астрономический прибор — первый в мире сейсмограф, изобретенный в 132 году китайским ученым Чжан Хэном.

В момент землетрясения маятник, наклоняясь в определенную сторону, давил на рычаг, пасть дракона раскрывалась, и из нее шарик вываливался в открытый рот лягушки. Это указывало ученым направление, в каком произошло землетрясение.

Древнейший прибор был утерян. И лишь недавно ученые народно-демократического Китая, пользуясь записями биографии Чжан Хэна, изготовили образец сейсмографа и преподнесли его в дар президиуму Академии наук СССР.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

Ленинград.

Тигролов: — Ну, не будет мне в этом году удачи!..

Рисунок Е. Ведерникова.

Планы по лесной промышленности систематически не выполняются...

— Опять нас не допилили!

Эпиграммы

Эмиль КРОТКИЙ

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

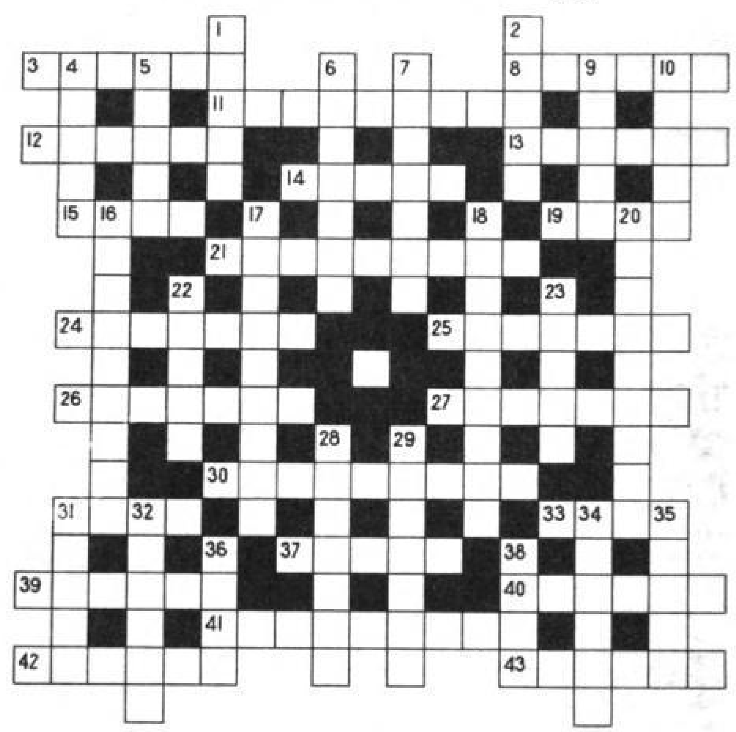
Пусть тебя захваливают дружно,—
Зазнаваться все-таки не нужно.
Но нельзя, конечно, не сознаться,
Что нельзя при этом... не зазнаться!..

ШАТКАЯ ЛОГИКА

С формальной логикой не споря,
Он пресерьезно убежден,
Что пьет не зря, что запил с горя.
А горе в том, что... запил он!

В этот номер вложен табель-календарь на 1954 год. На вкладках — четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Периодическая печать. 8. Морская промысловая рыба. 11. Известный животноводческий совхоз. 12. Архитектурное сооружение. 13. Вид поэзии. 14. Установленный порядок. 15. Областной центр в РСФСР. 19. Волокнистое вещество из хлопка или шерсти. 21. Объединение людей. 24. Черноморский курорт. 25. Представитель основного населения одной из стран народной демократии. 26. Определенный порядок. 27. Сельскохозяйственное орудие. 30. Фабрично-заводская промышленность. 31. Два вида сельскохозяйственных орудий, скрепленных вместе. 33. Спортивная площадка. 37. Работа на судне всей командой. 39. Металл. 40. Масличное бобовое растение. 41. Специалист в одной из областей техники. 42. Дарование. 43. Специальность рабочего.

По вертикали:

1. Модель. 2. Учебное заведение. 4. Средство связи. 5. Тригонометрическая функция угла. 6. Хор. 7. Литературное произведение в форме воспоминаний. 9. Специализированное хозяйство в колхозе или совхозе. 10. Род мушмулы. 16. Последователь передовых научных методов биологии и ведения сельского хозяйства. 17. Совокупность признаков, по которым изделие относится к определенному сорту. 18. Последователь марксистского метода познания. 20. Род радиоприемника. 22. Дежурство на корабле. 23. Участок, где выращивают арбузы и дыни. 28. Учебное пособие. 29. Полководец, знаток ведения войны. 31. Исчисление предстоящих затрат и доходов. 32. Столица союзной республики. 34. Атмосферная влага. 35. Машина для сортировки и очистки зерна. 36. Писатель. 38. Международный договор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52 ЗА 1953 г.

По горизонтали:

7. Меркурий. 8. Горельеф. 10. Культиватор. 12. Лимон. 13. Нарты. 14. Юрист. 15. Суффикс. 17. Абонент. 19. Припев. 20. Калуга. 24. Принцип. 26. Балатон. 27. Ромео. 28. Залив. 30. Литье. 31. Языкознание. 32. Снегопад. 33. Киноварь.

По вертикали:

1. Техникум. 2. Бурун. 3. Вильнюс. 4. «Иоланта». 5. Бетон. 6. Веретено. 9. Тициан. 10. Конференция. 11. Разногласие. 16. Капри. 18. Балка. 21. Орнамент. 22. Мимоза. 23. Мольберт. 25. Приклад. 26. Борацит. 29. Взвод. 30. Лизол.

КАРТИНКА БЕЗ СЛОВ.

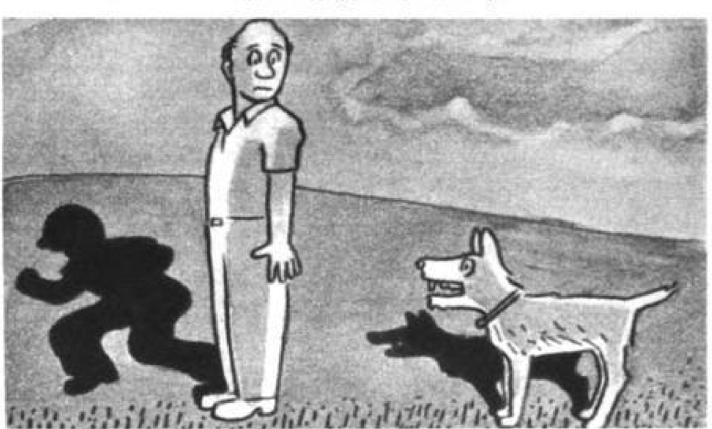

Рисунок Янтар.
Из польского журнала «Шпильки».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 08617. Подп. к печ. 24/XII 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 1. Заказ 3252. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Киев. Елка в детском саду.

Фото Н. Козловского.

Цена номера 3 руб.